

О ПРЕДАНИЯХЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ.

Лѣтописи были первыми письменными памятниками, въ которыхъ заговорила русская жизнь. Лѣтописи весьма рано являются, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Россіи, первоначально въ видѣ краткихъ замѣтокъ, впослѣдствіи въ видѣ пространной повѣсти временныхъ лѣтъ. Древнѣйшая лѣтописная повѣсть составлена въ Южной Руси. Составъ древней лѣтописи разнообразенъ, и, чтобы объяснить соединеніе различныхъ частей въ одно цѣлое, необходимо разсмотрѣть самыя части, изъ которыхъ составлена лѣтопись, и указать связь ихъ съ другими произведеніями словесности. Внимательное разсмотрѣніе откроетъ степень вліянія трехъ элементовъ лѣтописи, какъ и вообще древней русской словесности, библейскаго, византійскаго и народнаго.

Библейское вліяніе на нашу древнюю лѣтопись не подлежитъ сомнѣнію; оно выразилось и въ цѣломъ и въ частностяхъ. Общее настроеніе лѣтописца, его взглядъ на событія, тонъ повѣствованія и даже отдѣльныя выраженія напоминаютъ библію. Независимо отъ книгъ собственно библейскихъ, изъ лѣтописи видно, что предкамъ нашимъ знакомы были сочиненія апокрифическія. Многія изъ этихъ сочиненій не лишены своего рода поэзіи; явленіямъ, установленнымъ природою и потому неизбѣжнымъ, дается въ апокрифахъ объясненіе, нечуждое поэтическаго колорита. Апокрифическое сказаніе о смерти Авеля изображаетъ впечатлѣніе, произведенное первою смертію на землѣ, на которой не имѣли еще понятія о гибели и разрушеніи: Адамъ и Ева были поражены новымъ для нихъ зрѣлищемъ трупа и не знали, что дѣлать съ нимъ, пока не прилетѣли птицы и не научили, какъ хоронить мертвыхъ. Въ лѣтописи говорится, что Адамъ и Ева плакали надъ убитымъ Авелемъ тридцать лѣтъ, и не сгнило тѣло его, и не умѣли похоронить его; и повелѣніемъ Божиимъ прилетѣло два иттенца, — одинъ изъ нихъ умеръ, другой выкопалъ яму, положилъ въ

нее умершаго и похоронилъ его: увидѣвши это, Адамъ и Ева выкопали яму, вложили въ нее Авеля и погребли его съ плачемъ. По естественному порядку вещей, старшіе прежде младшихъ сходятъ въ могилу; измѣненіе этого порядка легенда приписываетъ событію, привлечшему небесную кару на виновнаго: отецъ Авраама, продолжаетъ лѣтописецъ, поклонялся кумирамъ; Авраамъ, «пришедъ въ умъ» сказалъ отцу: ты обманываешь людей, дѣлая кумиры изъ дерева, истинный же Богъ тотъ, который сотворилъ небо и землю. Взявши огонь, Авраамъ зажегъ храмину, гдѣ стояли идолы, а братъ его, ревностный идолопоклонникъ, хотѣлъ «вымчать» идоловъ и сгорѣлъ вмѣстѣ съ ними; такимъ образомъ, онъ умеръ прежде своего отца, и съ тѣхъ-то поръ начали дѣти умирать прежде родителей, а до смерти брата Авраамова, сыновья умирали послѣ отцовъ своихъ (1).

Поэтический элементъ въ древней лѣтописи является въ ней съ одной стороны подъ вліяніемъ апокрифовъ и легендарной литературы Византіи, съ другой — подъ вліяніемъ русской жизни — вѣрованій и преданій, жившихъ въ русскомъ народѣ во времена древнихъ лѣтописцевъ. Хроники византійскія, безспорно, имѣли вліяніе на нашу лѣтопись: оно обнаружилось преимущественно въ фактической части лѣтописи, то есть многія извѣстія и рассказы заимствованы нашими лѣтописцами изъ сочиненій византійскихъ писателей. Любопытно, что византійскія легенды, не ограничиваясь письменною словесностію, проникали даже въ народъ. Такъ, въ хроникѣ Амартала и другихъ, при повѣствованіи о подвигахъ Александра Македонскаго, рассказывается о счастливой жизни *Врахмановъ*, которые «не знаютъ ни желѣза, ни золота, ни серебра, ни огня, ни четвероножины, питаются овощами и сладкою водою. Женщины живутъ у нихъ на одной сторонѣ рѣки, текущей въ океанъ, а мужчины — на другой. Въ рѣкѣ обитаетъ страшный звѣрь, пожирающій вдругъ по цѣлому киту, и дѣлаетъ ее неприступною. Только на сорокъ дней удаляется звѣрь изъ рѣки и удаляется для того, чтобы мужья могли перейти къ своимъ женамъ. Страна Врахмановъ не многолюдна, но жители ея наслаждаются совершеннымъ счастіемъ, пребывая въ постоянной молитвѣ. Галичане до сихъ поръ говорятъ: «постимо якъ Рахмане», «на Юра-Ивана, на рахманскій великдень» и въ Галиціи есть преданіе, что «далеко отсюда, за черными морями, живутъ люди Рахмане. Они

(1) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, I, стр. 38 и 39.

счастливѣйшіе между людьми; сильно постыжся, только разъ въ году ѣдятъ мясо, на «великдень», а праздникъ «великдень Рахманскій» приходится тогда, когда скорлупа благословеннаго яйца отъ насъ до нихъ переплыветъ по морю. *Рахмане* суть не что иное, какъ *Вра-хманы*, то есть *брамины*, съ которыми наши предки знакомы были изъ Александріи, или баснословной исторіи объ Александрѣ Македонскомъ ⁽¹⁾. «Съ именемъ Александра Македонскаго, любимаго героя средневѣковой повѣсти, соединяется преданіе о чудномъ и страшномъ народѣ, въ которомъ предки наши видѣли то Половцевъ, то Татаръ. Объ этомъ народѣ ходили легенды и въ Западной Европѣ; на средневѣковыхъ картахъ обозначалась страна, гдѣ все ужаснѣе, нежели можно себѣ представить, гдѣ постоянно невыносимый холодъ, а люди до того жестоки, что ѣдятъ мясо человѣческое и пьютъ человѣческую кровь. Жители страны—потомки Каина. Они заключены въ своихъ предѣлахъ во время Александра Македонскаго; при немъ было землетрясеніе и, вмѣсто прежнихъ равнинъ, явились горы, заключившія на вѣки отверженный народъ ⁽²⁾. Русскій лѣтописецъ, говоря объ ужасномъ народѣ ⁽³⁾, приводитъ свидѣтельство Меодія Патарскаго. Византійскій писатель, Меодій Патарскій рассказываетъ, что Александръ Македонскій видѣлъ въ такъ-называемой «Солнечной Странѣ» нечистое племя, которое ѣсть всякую скверну: комаровъ, мухъ, змѣй, всякую пададь, даже трупы людскіе и выкидышей. Александръ, боясь, чтобы гнусное племя не напало на святую землю и не осквернило ее своими обычаями, собралъ всѣхъ ихъ, и женъ, и дѣтей, и весь родъ ихъ, и изгналъ ихъ съ востока на сѣверъ. И нѣтъ имъ выхода отъ востока до запада, потому что Богъ, по молитвѣ Александра Македонскаго, велѣлъ двумъ горамъ, называемымъ «сосцами борея», приблизиться другъ къ другу на двѣнадцать локтей и образовать мѣдныя ворота, они покрыты аснихитомъ,—составомъ, который не боится ни огня, ни желѣза. Только въ послѣдніе дни выйдутъ изъ странъ сѣверныхъ люди, заключенные Александромъ Македонскимъ ⁽⁴⁾.

⁽¹⁾ Буслаева, Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. I, стр. 121. Въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губ., слово—рахманнй употребляется въ смыслъ—кроткій, тихій, ласковый: рахманна дитина, рахманнй кнѣзь.

⁽²⁾ Santarem: Essai sur l'histoire de la cosmographie et de la cartographie pendant le moyen-âge. II, p. 338.

⁽³⁾ Полное собраніе русскихъ лѣтописей. I, стр. 99 и 189.

⁽⁴⁾ Monumenta S. Petrum orthodoxographa. Basileae. 1369. стр. 94—95 и 104—105.

Съ сказаніемъ Меѳодія Патарскаго находится въ связи цѣлый рядъ сказаній о послѣднихъ дняхъ міра. Къ числу подобныхъ произведеній принадлежитъ и повѣсть о снахъ Мамера, ожидающая издателя и объяснителя. Передадимъ содержаніе этой повѣсти, имѣвшей большой интересъ для нашихъ предковъ. Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ царь Мамеръ. Онъ видѣлъ двѣнадцать страшныхъ сновъ и не находилъ человѣка, который могъ бы ихъ растолковать. Наконецъ нашелся мудрый мужъ, успокоившій встревоженного царя увѣреніемъ, что сны относятся не къ нему и ни къ его царству, а что все это сбудется въ послѣднія времена.

Первый сонъ. Отъ земли до неба золотой столбъ, а на столбѣ голубь; столбъ разрушился, голубь улетѣлъ въ небо, а на его мѣсто спустился воронъ, сталъ зобать золото; пришли звѣри дикіе, ехидны и змѣи.—Это значитъ, придутъ времена злыя и година лютая, отъ востока и до запада зла много исполнится, будетъ мятежъ по всей землѣ, не будетъ правды и мысли доброй, люди другъ другу будутъ враги и прольется кровь человѣческая; отецъ возстанетъ на сына, судья на судью и сосѣдъ на сосѣда. И не будетъ добра въ людяхъ: языкомъ будутъ говорить добро, а на сердцѣ мыслить злое. Сама природа измѣнитъ обычай свой: лѣто и осень переступятъ въ зиму, зима впадетъ въ весну, среди лѣта будетъ зима, жестокіе морозы и стужа съ яростью. Люди захотятъ сѣять и не узнаютъ времени, много посеютъ и мало пожнутъ. Земля не дастъ плода ради лихоимства человѣческаго. Вельможи будутъ крамольники, судьи неправедные, станутъ судить по корысти, богатаго оправдаютъ, бѣдняка обвинять. Не только судьи, — сама земля станетъ брать взятки (мзду): не дастъ плода, пока не удобрятъ ее навозомъ.

Второй сонъ. Съ небеси сырое брюховище виситъ, а съ земли псы лаютъ, а щенята брешутъ.—Это значитъ, когда придетъ то злое время, исчезнетъ родственная любовь и пріязнь. Къ живущимъ въ богатствѣ станутъ присеяться и приносить дары ради гортаней своихъ. Любовь древнюю отъ своихъ и сродниковъ отлучать; начнутъ съ чужими людьми держать любовь, а родъ свой и прежнихъ друзей забудутъ.

Третій сонъ. Три котла висятъ надъ однимъ огнемъ: въ одномъ кипитъ вода, въ другомъ воскъ, въ третьемъ масло. Воскъ каплетъ въ масло, масло брызжетъ въ воскъ, а въ воду не попадаетъ ни одной брызги ни отъ масла, ни отъ воска.—Это значитъ, что въ

послѣднія времена бѣдники будутъ жить между богачами; богачи будутъ посѣщать другъ друга и угощать роскошными яствами, а убогаго и нищаго никто не призоветъ и не накормитъ.

Четвертый сонъ. Видѣлъ старую кобылу, а жеребята играютъ и лизутъ кобылу.—Это значить, матери приведутъ своихъ дочерей къ чужимъ мужьямъ, сестра сестру и сноха сноху будетъ подстрекать къ грѣху, и въ семь лѣтъ не найдется ни одной чистой дѣвушки.

Пятый сонъ. Щельница бережая лежитъ на гноищи, а въ чревѣ ея брешутъ щенята.—Это значить, въ то злое время отцы стануть учить дѣтей своихъ доброму разуму, а дѣти ихъ не послушаютъ, укорять отцовъ глупостью, скажутъ: вы старики, жили не смысла, а мы станемъ своими разумами умышлять.

Шестой сонъ. Видѣлъ страхъ великій и содрогнулся: видѣлъ множество верблюдовъ и дикихъ звѣрей, страшныхъ видомъ, двуглавыхъ и троеглавыхъ, иные хромаютъ, другіе скрежещутъ зубами, вертятъ хвостомъ, киваютъ головою, высовываютъ языкъ, скачутъ, вертятся. И стали рвать траву и деревья, рыть когтями землю и бросать на людей. Но сошелъ пламень огненный и истребилъ чудовищъ.—Дикіе звѣри значить лихоимцы, двуглавые и троеглавые—лжецы и клеветники, хромые—значить уклоняющіеся на злыя дѣла, скрежещутъ зубами—значить съѣдаютъ злыми дѣлами; вертятъ хвостомъ и киваютъ головою—лстецы говорятъ доброе, а думаютъ злое, сами себя губя; языкъ высовываютъ и скачутъ—какъ бѣсы вертятся люди; вырываютъ траву и деревья—искореняютъ добрыя мысли. Огонь-истребитель—гнѣвъ Господа, который, не терпя злобы, погубить злыхъ людей.

Седьмой сонъ. Іереи, впадающіе въ илѣ, кричатъ и не могутъ выльзти.—Это значить, что іереи нѣкоторые начнутъ жить нечисто; ради мзды и страха будутъ прощать грѣхи, не подвергая согрѣшившихъ эшитимъ.

Восьмой сонъ. Много людей проливаютъ молоко и потомъ собираютъ его.—Это значить, въ послѣднія времена люди стануть давать милостыню убогимъ и потомъ захотятъ взять ее назадъ.

Девятый сонъ. Красивый конь ѣстъ траву двумя горлами: переднимъ и заднимъ.—Значить: князя и суды, и старѣйшины начнутъ судить не по правдѣ, а для прибытка, и брать посулы и у праваго и у виноватаго.

Десятый сонъ. По всей вселенной разсыпано много драгоценныхъ

каменей, и пришли рассыпавшіе и ничего не могли найти. — Значить: нападетъ на богачей великій страхъ, они станутъ отдавать имѣніе свое друзьямъ и сосѣдямъ на сохраненіе, и въ скоромъ времени потребуютъ назадъ и не найдутъ того, что отдано ими для сбереженія.

Одиннадцатый сонъ. Видѣлъ гору высокую и на ней камень самоцвѣтный, гора разсѣлась и камень погибъ. — Значить: одно правотѣрное царство отпадетъ отъ вѣры и раздѣлится на двѣ доли, и Божія правда не вспомнится въ то время.

Двѣнадцатый сонъ. Скажи мнѣ, братъ философъ, послѣ всѣхъ бѣдъ какое будетъ окончаніе царствамъ и землямъ? Философъ отвѣчаетъ: въ прежнія лѣта, пророкъ Гедеонъ изгналъ въ пустыню восемь племенъ; они выйдутъ въ послѣдніе дни (ер. лѣтоп. «еда иѣче Гедеонъ, восемь ихъ бѣжа въ пустыню... по сихъ восьми колѣнъ къ кончинѣ вѣка изыдутъ заклеченіи Александромъ Македонскимъ»), и поплѣнятъ всю землю, и дойдутъ до Рима великаго, и будетъ сѣча злая. И пойдутъ предъ ними четыре язвы: пагуба, погибель, плѣнъ и запустѣніе. Тогда мужья начнутъ одѣваться въ блудныя одежды и украшать себя подобно женамъ; у одной жены будетъ нѣсколько мужей; сынъ, отецъ, братъ будутъ мужьями одной и той же женщины.... И предана будетъ земля Персекая во тьму и въ погибель, Арменія отъ меча погибнетъ, Ассирійская земля опустѣетъ, и владыки греческіе въ бѣгство и въ плѣненіе впадутъ. И не будетъ живущихъ въ Египтѣ, и въ Ассиріи, и въ поморіи, и въ восточныхъ странахъ, и въ другихъ; всѣ человѣки въ погибель и плѣнъ будутъ расхищены, и грады многіе разорятся (¹).

(¹) Нѣкоторые ученые предполагаютъ связь сказанія о снахъ царя Мамера съ одною изъ повѣстей сборника, извѣстнаго подъ именемъ «Калила и Дамна» и распространеннаго у многихъ восточныхъ народовъ. Но содержаніе показываетъ, что между ними нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Въ десятой книгѣ сборника говорится, что царь Биладъ (Biladh) видѣлъ восемь сновъ, которые браминны хотѣли растолковать въ свою пользу: увѣрили царя, что сны предвѣщаютъ бѣду, и отъ нея можно избавиться только казнью нѣкоторыхъ лицъ, зачатыхъ враговъ браминовъ. Царь отвергъ ихъ предложеніе, а болѣе добросовѣстный мудрецъ объявилъ, что сны означаютъ дары, которые Биладъ получитъ отъ другихъ царей, а именно: двѣ красныя рыбы, стоящія на хвостахъ своихъ — два короба съ перлами и драгоценностями; цѣна имъ четыре тысячи фунтовъ золота. Змѣя, выходящая на лѣвой ногѣ — мечъ изъ чистѣйшаго желѣза, которому нѣтъ подобнаго. Кровь, покрывающая тѣло — драгоценная пурпуровая одежда, свѣтящаяся въ темнотѣ. Царь стоитъ на бѣлой горѣ — значить, царь получитъ въ даръ бѣлаго слона, который быстрѣе лошади, и т. п.

Мы привели сказаніе о снахъ Мамера по связи его съ сочиненіемъ Меодія Патарскаго. Слово Меодія «о царствѣ языкъ», то есть о послѣднихъ дняхъ міра, дѣйствовало на воображеніе нашихъ старинныхъ читателей, и, судя по числу списковъ и заимствованій изъ него, можно полагать, что оно было однимъ изъ любимыхъ предками нашими произведеній въ мистическомъ родѣ.

Другаго рода преданія перешли въ лѣтопись изъ живыхъ источниковъ, изъ русской жизни, изъ сказаній современниковъ, изъ легендъ, жившихъ въ устахъ народа. Таковы преданія о сотвореніи человѣка, о добромъ и зломъ началѣ, о мудрости Ольги, о смерти Олега и т. п. Не вдаваясь въ предположенія, мы приведемъ несомнѣнное свидѣтельство лѣтописи — самыя преданія, составляющія ея народный элементъ, и укажемъ соответствующія имъ преданія, съ одной стороны—скандинавскія, съ другой—славянскія, и въ частности южнорусскія. Мы ограничимся на этотъ разъ указаніемъ слѣдовъ космогоническихъ понятій въ разсказахъ о волхвахъ и преданіями о мести Ольги и гибели Олега.

По понятіямъ, жившимъ въ народѣ, независимо отъ ученія, передаваемого людьми книжными, въ созданіи человѣка принимали участіе двѣ враждебныя одна другой силы—добрая и злая: отсюда истекаетъ добро и зло въ жизни, и въ свойствахъ, и судьбѣ человѣка. Лѣтопись положительно свидѣтельствуетъ, что весь народъ—«люде вси»—обнаружилъ полное сочувствіе подобному разсказу о сотвореніи человѣка. Въ Эддѣ происхожденіе исполиновъ описывается только въ одной чертѣ сходно съ ученіемъ нашихъ волховъ, происхожденіе же обыкновенныхъ людей совершенно различно: Имеръ спалъ и вспотѣлъ, подъ лѣвою рукою у него произошли мужчина и женщина, ноги его произвели сына. Три Аса пришли на берегъ морской и нашли тамъ два дерева—ясень и яворъ; одинъ изъ Асовъ далъ имъ дыханіе и жизнь, другой духъ и чувствительность, третій—кровь, языкъ, слухъ и зрѣніе; такимъ образомъ сотворены первобытные мужчина и женщина, отъ которыхъ произошли всѣ люди ⁽¹⁾.

Преданіе, до сихъ поръ слышанное въ народѣ, на югѣ и на сѣверѣ, основывается на вѣрѣ въ двѣ первобытныя силы, источники добра

(1) Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ со времени Владиміра до Іоанна Грознаго, соч. Руднева. 1838, стр. 18 и примѣч. 12.

и зла ⁽¹⁾. Земля, говоритъ это преданіе, въ началѣ была покрыта водою. Богъ, задумавъ создать твердую землю (будтобы) послалъ діавола достать горсть земли со дна моря и велѣлъ сказать доставая: во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Діаволь взялъ въ руку земли, но не сказалъ ни слова, и затѣ, когда выплылъ, въ рукѣ его не было ничего. Онъ долженъ былъ вторично опуститься, сказалъ Божьи слова, но кусокъ земли утаилъ, спрятавши себѣ въ ротъ. Богъ посыпалъ землю, говоря: «расти и множись, земля», и изъ нея образовать три части свѣта. Вмѣстѣ съ тѣмъ начала расти земля и во рту у бѣса, причиняя ему ужаснѣйшую боль. Наконецъ Богъ разрѣшилъ бѣсовы уста: діаволь плюнулъ на всѣ стороны, и изъ выплюнутой изо рта земли явились болота, пустыни и безплодные мѣста. Сотворивъ тѣло человѣка изъ глины, Богъ положилъ его на землю, приставилъ къ нему стража, а самъ пошелъ принести душу. Завидую прекрасному творенью Божью, дьяволь хотѣлъ разрушить его, но ни ласки, ни угрозы не дѣйствовали на приставленнаго стража. Діаволь подошелъ и оплевалъ тѣло человѣка; отсюда болѣзни, страданія, грѣхи и преступленія. Воротившись, Богъ вложилъ душу, но не хотѣлъ передѣлывать тѣла, ибо увидѣлъ, что и страданія необходимы человѣку ⁽²⁾.

Приведенное преданіе извѣстно на сѣверѣ Россіи, у Псковичей;

⁽¹⁾ Приводимыя легенды о сотвореніи земли и человѣка, отзывающіяся еретичествомъ Манихейскимъ и Павликіанскимъ, — по своему сходству съ подобными легендами у другихъ народовъ, — показываютъ весьма древнее свое происхожденіе. Безъ-сомнѣнія, онѣ зашли съ Востока, гдѣ существовало нѣльное понятіе о равносильности двухъ, дѣйствующихъ въ міръ, началъ — добра и зла. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что Русскій православный народъ, подѣ влияніемъ селитыхъ истинъ ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго христіанскаго ученія, отнюдь не держится суемудреннаго, еретическаго впрованія въ два равносильныя начала: добра и зла. По его же (народа) представленію, просвѣтленному ученіемъ святой Библіи, діаволь есть злой духъ, надѣ гордынею котораго посылвается и торжествуетъ всемогущество, мудрость и благодѣ Господня, разрушая всѣ козни сатанинскія. Познаніе народныхъ легендъ и ихъ нелѣпостей интересно и важно для уразумѣнія тѣхъ путей, коими шелъ родъ человѣчскій, пока свѣтъ Божественнаго Откровенія не озарилъ всѣхъ язычниковъ. Съ этой только цѣлію мы и осплвились привести здѣсь вышеозначенныя легенды и надѣмся, что добрые и благонамѣренныя изыскатели старины, въ своихъ изслѣдованіяхъ, раскроютъ всю ихъ тщету.

⁽²⁾ Zeitschrift für deutsche mythologie und sittenkunde, begründet von J. W. Wolf. 4 band, 2 heft. 1838.

подобные же рассказы о сотвореніи міра и человѣка слышатся и на югѣ. Въ примѣръ можно привести слѣдующія *оповидки*:

«Ото, якъ задумавъ Господь сотворити свѣтъ, то ѣ говорить до найстаршаго ангела Сатанаила: «а що», каже, «архангеле мій, ходімъ творити свѣтъ». «Да ходимо, Боже» каже Сатанаилъ. Ото вони и пійшли надъ море, а море таке темне-темне,—сказано—безодня. Ото Богъ и каже до Сатанаила: «бачешъ», каже, «оттую безодню?»—«Бачу, Боже».—«Идижъ», каже, «у тую безодню на самое дно, та дістань мені жменю піску. Та гляди», каже, «якъ будешъ брати, то скажи про себе: «беру тебе, земле, на имя Господне». — «Добре, Боже».—И впернувъ Сатанаилъ у самую безодню, надъ самий пісокъ, та ѣ зазлістно ему стало: «ні, каже, Боже, приточу я и свое имя-нехайъ буде разомъ и твое и мое». И бере вінъ той пісокъ та ѣ каже: «беру тебе, земле, на имя Господне и свое». Сказавъ—сказавъ. Прійшлося виносити, а вода ему той пісокъ такъ и измивае. Той такъ затискае жменю, але де вже Бога ошукати! закимъ вигулькнувъ изъ моря, такъ того піску якъ не було: геть вода змила. «Не хитри, Сатанаиле», каже Господь: «иди знова та не приточуй свого имя!» Пшовъ знову Сатанаилъ! знову примовляє: «беру тебе, земле, на имя Господне и свое», и знову піску не стало. Ажъ за третімъ разомъ сказавъ уже Сатанаилъ: «беру тебе, земле, на имя Господне». И ото уже несе та ѣ не стискае жмені, такъ и несе на долоні щобъ то вода змила. Але дарма: якъ набравъ повну руку, то такъ и вінісь до Бога. И узявъ Господь той пісокъ, ходить по морі та ѣ розсіває, а Сатанаилъ давай облизувати руку: «хочъ трохи», думае, «сховаю для себе, а потімъ, думае собі, и землю збудую». А Господь розсіявъ: «А що», каже, «Сатанаиле, нема більше піску?»—«А нема, Боже».—«То три благословити» каже Господь, та ѣ благословивъ землю на вси чотири части, и якъ поблагословивъ, такъ тая земля и почала рости. Ото росте земля, а тая що у роті и собі росте; далі такъ розрослася, що ѣ губу росперае. Богъ и каже: «плюнь, Сатанаиле»; той зачавъ плювати та харкати; и де вінъ плювавъ, то тамъ виростили гори, а де харкавъ, то тамъ скали. Отъ чѣрезъ що у насъ и земля нерівна. Воно ще кажуть, що ніби то ти скали та гори Богъ знае доки бъ росли, — а то Петро та Павло якъ закликали ихъ, то вони вже ѣ не ростуть. А ото вже Господь и каже до Сатанаила: «теперъ», каже, «тільки бъ посвятити землю, але

нехай вона собі росте, а ми відпочиньмо». — «А добре, Боже», каже Сатанаилъ. И лягли вони спочивати. Господь почивая, а Сатанаилъ и думає, щоби землю забрати. И ото піднявъ его та й біжить до моря. Спершу на полудень біжить та й біжить, а моря нема; вдарився на північъ — и тамъ не видати. Побивався на всі чотирі часті світа — нігде нема моря... Бачить вінъ, що нічого не вдіє, несе Бога на то саме місце та й самъ коло нѣго лягає. Полежавъ трохи та й будить Бога: «вставай», каже, «Боже, землю святити». А Богъ ему й каже: «не журись, Сатанаиле, земля моя свячена: освятивъ я її сеи ночі на всі чотирі боки». — Чоловіка, кажуть, выліпивъ Господь зъ глини и давъ ему зовсімъ свою святую по-стать..., и т. д. ⁽¹⁾.

Не только въ созданіи челоуѣка и вселенной, но и въ происхо-жденіи всѣхъ условій жизни челоуѣка, всей обстановки ея, природ-ной и искусственной, участвовали двѣ силы: добро и зло, Богъ и дьяволъ, и борьба ихъ оканчивалась побѣдою Бога и добра надъ зломъ и дьяволомъ. Дьяволъ—тьма, Богъ—свѣтъ, говорятъ южноруссы; дья-волъ научилъ людей строить дома, а Богъ прорубилъ въ нихъ окна:

«Хотівъ нечистий похвалитися передъ Богомъ своїмъ розумомъ да й побудувавъ людямъ хату. Збудовавъ зовсімъ якъ слідує,—а тоді ще хатъ робить люди не вміли. Тільки щожъ? сказано—нечиста сила! усе поробивъ у хаті, тільки віконъ не тямивъ попрорубовати: отъ, на нічъ годитця, а на день—то й ні. Такъ Господь попрорубовавъ вікна; отъ и почали люде жить у хаті».

Весьма близкое, въ нѣкоторыхъ чертахъ, сходство съ сказаніями, живущими въ народѣ, представляютъ повѣсти, находящіяся въ различ-ныхъ видахъ въ письменныхъ памятникахъ нашей старинной словесно-сти. Въ рукописяхъ встрѣчается «сказаніе, како сотвори Богъ Ада-ма» — апокрифическое произведеніе слѣдующаго содержания:

Богъ создалъ челоуѣка изъ восьми частей: отъ земли тѣло, отъ камня кости, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ облака мысли; отъ свѣта свѣтъ (?), отъ вѣтра дыханіе, отъ огня тепло. И оста-вилъ Богъ челоуѣка одного, положивъ его на землю, и пришелъ са-тана и измазалъ лежащаго тиною. Воротившись Богъ омылъ чело-уѣка егоже слезами, приставилъ къ нему стража, а самъ пошелъ за душою Адама въ горній Іерусалимъ. Во время его отсутствія, са-

⁽¹⁾ Слышано въ селѣ Хомутищахъ, на Подоли, въ Виницкомъ повѣтѣ.

тана взялъ дерево, изранилъ имъ всего Адама и тѣмъ сотворилъ въ немъ семьдесятъ два недуга. По возвращеніи Бога, сатана оправдывался передъ нимъ тѣмъ, что чѣмъ болѣе недуговъ у человѣка, тѣмъ чаще призоветъ Бога на помощь. Богъ изгналъ дьявола, и онъ исчезъ, какъ тѣма исчезаетъ предъ свѣтомъ. Ангеламъ же повелѣлъ взять а на востокъ, д—на западъ, м—на югъ, з—на сѣверъ, и далъ чело-вѣку душу живу.

Образованіе человѣка изъ восьми частей напоминаетъ стихи о глубинной книгѣ. Подобныя же космогоническія понятія встрѣчаются и въ литературахъ западной Европы, преимущественно средневѣковыхъ. Въ числѣ рукописей знаменитой парижской библіотеки есть хроники XV вѣка, начинающіяся такъ: Сотворивъ небо, землю и всѣ существа, Господь создалъ человѣка изъ восьми силъ: первая—земля, вторая—море, третья—солнце, четвертая—облака небесныя, пятая—вѣтеръ, шестая—камни, седьмая—духъ святой, восьмая—красота вселенной.

Византійское происхожденіе нашего апокрифа всего очевиднѣе изъ того, что четыре буквы имени «Адамъ» принесены съ четырехъ странъ свѣта. Это объясняется названіемъ странъ свѣта на греческомъ языкѣ. Еще въ первые вѣка христіанства Греки замѣтили, придавая своему замѣчанію таинственный смыслъ, что имя *Αδαμ* заключаетъ въ себѣ первыя буквы четырехъ странъ свѣта: Α—*ἀνατολή* востокъ, д—*δύσις* западъ, α—*ἄρκτος* сѣверъ, μ—*μεσημβρία* югъ, полдень.

По мусульманскому преданію, также съ четырехъ краевъ свѣта принесли ангелы землю, изъ которой Богъ сотворилъ тѣло человѣка; а для сердца и головы земля принесена изъ Мекки и Медины. Душа человѣка сотворена за тысячу лѣтъ до тѣла, и когда Богъ велѣлъ ей войти въ тѣло, она не охотно покидала безконечныя, полныя свѣта, небесныя пространства; въ наказаніе Богъ сказалъ ей: какъ противъ воли своей ты вселяешься въ тѣло, такъ противъ воли своей ты и разлучишься съ нимъ (1). Другое преданіе говоритъ, что когда Богъ послалъ ангела принести земли для сотворенія человѣка, ангелъ долго не хотѣлъ выносить ее со дна морскаго, потому что ему становилось больно, что будетъ на свѣтѣ такое несчастное созданіе, какъ человѣкъ (2).

(1) Biblische legende der muselmänner, aus arabischen quellen zusammengetragen, von Weil. 1843. стр. 12 и слѣд.

(2) Г. Патриченко, приславшій въ редакцію «Основы» приведенную нами оповѣдку, замѣчаетъ: «наша байка за початокъ земли подібна до байки

Народныя преданія въ лѣтописи относятся преимущественно къ двумъ лицамъ, княжившимъ на Руси, изъ которыхъ одно утвердило на югѣ столъ всей русской земли, а другое не покидало юга до самой своей смерти. Эти два лица—Олегъ и Ольга.

Личность Ольги возбуждала особенное сочувствіе, основанное во-первыхъ на томъ, что она дѣйствовала въ духѣ народа; по крайней мѣрѣ изъ лѣтописи видно, что она раздѣляла народныя антипатіи; во-вторыхъ на томъ, что ея предшественникъ уступалъ ей въ умѣньи ладить съ народомъ, а ея преемникъ былъ врагомъ вѣры, усвоенной послѣдующими поколѣніями. Княгиня, хитро наказавшая ненавидное Полянамъ племя Древлянъ, не могла не возбудить сочувствія въ Полянахъ. Она много выигрываетъ въ сравненіи съ личностію ея мужа, разорявшаго народъ и получившаго, за свои поступки, названіе волка въ овечьемъ стадѣ. Ольга приняла вѣру, впоследствии сдѣлавшуюся господствующею, и потому съ именемъ ея соединилось воспоминаніе о первой побѣдѣ новаго и лучшаго надъ старымъ и недобрымъ. Легенды о вводителехъ христіанства отличаются мягкостью въ изображеніи своихъ героевъ, описывая ихъ кротость и терпѣніе въ борьбѣ съ невѣрными; принятіе Ольгою христіанства содѣйствовало тому, что въ сказаніяхъ она является въ болѣе мягкомъ свѣтѣ, нежели бы можно ожидать, судя по жестокой мести древлянамъ. Мать, любящая оскорбляющаго ея сына, разумная и честная вдова и, притомъ, христіанка, имѣла для воображенія христіанскаго потомства болѣе привлекательности, нежели сынъ ея Святославъ, оскорблявшій мать, не смотря на любовь ея къ нему, торговавшій людьми, ѣвшій конское мясо и глумившійся надъ святою вѣрою. Честное вдовство высоко цѣнилось «лучшими людьми» древней Руси, какъ можно судить и по письменнымъ памятникамъ и по произведеніямъ устной словесности. На второй бракъ смотрѣли невыгодно по вліянію его на судьбу дѣтей отъ перваго брака, и Ольгу славилъ книжникъ особенно за то, что она, оставшись съ малолѣтнимъ сыномъ, не вышла въ другой разъ замужъ, уподобясь «горлицѣ единомужней». «Честная вдова» — обычное выраженіе и одинъ изъ любимыхъ типовъ нашей народной поэзіи. «Многоразуміе» честной вдовы обыкновенно обу-

турецкої за початокъ чоловіка. Турки кажуть, що якъ Господь захтівъ сотворити чоловіка, то пославъ підъ воду за землею архангела Уріяла, и архангелъ два рази не хотівъ виносити землі, бо ёму було жалко, що буде на світі таке несчасне творінє якъ чоловікъ».

здываетъ буйные порывы сына: въ этомъ отношеніи, преданіе объ Ольгѣ и сынѣ ея, Святославѣ, напоминаетъ отчасти былины о Васильѣ Буслаевѣ и его «желанной матушкѣ, честной вдовѣ Мамельѣ Тимооооооооо». Святославъ не внималъ разумному голосу матери, издѣвался надъ ея единовѣрцами и «творилъ норовы поганскіе»; но, несмотря на то, не оставлялъ матери до ея смерти, пребывалъ съ нею въ любви и плакалъ надъ ея могилою. Таже смѣсь, хотя и въ болѣе яркихъ чертахъ, буйной дерзости и покорной любви къ разумной и честной матери-вдовѣ замѣчается и въ Васильѣ Буслаевѣ. Онъ обращается къ матери съ такими словами:

Ты старушка лукавая,
Лукавая старушка толковая,
Ежели бъ ты зашла впереди меня,
То не спустилъ бы тебѣ государинѣ-матушкѣ,
Убилъ бы замѣсто мужика новгородскаго.

Не слушаетъ онъ совѣтовъ матери, незваннымъ идетъ на почестной пиръ у князя новгородскаго, нарушаетъ благословеніе материнское и купается нагимъ тѣломъ въ Іорданѣ-рѣкѣ. Не смотря на все это, къ матери-вдовѣ идутъ искать защиты отъ сына, когда «сталъ онъ шутить-пошучивать: за руку возьметъ—рука прочь; за ногу возьметъ—нога прочь; двухъ-трехъ вмѣстѣ столкнетъ—безъ души лежать»; просятъ мать уговорить его «хоть бы оставилъ народу на сѣмена». Недоступный ничьимъ увѣщаньямъ, прогоняющій всѣхъ словами: «у насъ дѣло дѣется: головами играемся», Василій Буслаевъ склоняется на просьбу матери укротить свою силу великую, свое сердце богатырское, и говоритъ: «никого я не послухалъ бы, а послушалъ тебя, родну матушку» ⁽¹⁾.

Честное вдовство Ольги обезоружило пресловутаго волокиту Цимисхія, который, видя ее «добру лицомъ и разумомъ украшенну и въ премудрости довольну», хотѣлъ уловить ее «гаданьями и ласканьями», но она осталась непоколебимою и на соблазнительныя рѣчи отвѣчала въ строгомъ, наставительномъ тонѣ. Легенда прославляетъ также цѣломудріе Ольги при первой встрѣчѣ ея съ женихомъ. Преданіе, записанное въ лѣтописяхъ позднѣйшей редакціи, говоритъ, что однажды молодой Игорь утѣшался ловитвами, и, замѣтивъ на той сторонѣ рѣки желанный ловъ, а на рѣкѣ пловца, призвалъ пловца

(1) Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. 1861. часть I, стр. 333—336.

къ берегу и съѣлъ въ его лодку, чтобы переплыть на другой берегъ. Этотъ пловецъ была юная и прекрасная Ольга. Игорь разгорѣлся желаніемъ, и «очи лакомѣ некасаемыхъ касахуся». Она, смекнувши въ чемъ дѣло, пресѣкла бесѣду не юношескимъ, но старческимъ смысломъ. «Не думай, сказала она, что можешь одолѣть меня: я хотя и молода и простой обычай имѣю, но все таки понимаю, что ты хочешь поругаться надо мною. Если отдаешься несправедливой страсти, то какъ же ты возбранишь другимъ неправду? Если я соблазнюю тебя, то пусть лучше приметъ меня глубина рѣчная». Игорь почувствовалъ къ ней такое уваженіе, что когда для выбора ему пѣвѣтъ собрали дѣвицъ изъ всего царства, онъ избралъ Ольгу, «мужественную и благообразную», говорившую ему «хитростные глаголы» (1).

Хитрость Ольги проявлялась не всегда въ такомъ кроткомъ, назидательномъ видѣ. Ольга «переключала» не только Игоря и Цимисхія, но и Древлянъ и ихъ пословъ. Разные роды мести Ольги Древлянамъ: сожженіе, смерть въ банѣ, пожаръ отъ птицъ, напоминаютъ скандинавскія саги, какъ напримѣръ *Njala Saga*, *Styr Saga* и другія.

Сага о Ніалѣ—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ по разнообразію и обрисовкѣ характеровъ. Содержаніе ея слѣдующее. Витязь Гуннаръ женится на Гальгердѣ, первой красавицѣ въ Исландіи. На пиру возникаетъ споръ между ею и женою Ніала; Гальгерда, чтобы раздуть вражду, велитъ убить одного изъ слугъ Ніала; жена Ніала возбуждаетъ сыновей своихъ къ мщению; но Гуннаръ и Ніалъ живутъ по прежнему въ дружбѣ. Жаждающая мести, злобная Гальгерда увлекаетъ кроткаго мужа и въ другіе споры, и дотого раздражаетъ его, что онъ даетъ ей пощечину. Дальнѣйшіе поступки ея таковы, что въ наказаніе за нихъ приговорили мужа къ изгнанію. Гуннаръ отправляется съ братомъ; но при выѣздѣ со двора, конь споткнулся и Гуннаръ рѣшается остаться, не смотря на всю опасность своего положенія. Враги окружаютъ домъ его, убиваютъ вѣрныхъ цесовъ; Гуннаръ геройски защищается, но, вопреки совѣту матери, пускаетъ обратно стрѣлою вражею: враги, полагая, что запасъ истощенъ, ударили съ новою силою. Гуннаръ проситъ у жены нѣсколькихъ изъ ея длинныхъ волосъ для тетивы, какъ единственное средство, чтобы спасти его жизнь; Гальгерда отказывается, говоря: это тебѣ за пощечину. Гуннаръ палъ въ бою отъ изнеможенія. Скальды сложили въ память

(1) Книга степенная. 1773. часть I, стр. 7—9, 16—17.

его плѣни, а сынъ Ніала принялъ на себя мщеніе за его смерть. Также печальна была и судьба Ніала. Послѣ долгихъ странствованій и приключеній Ніаль погибъ жертвою родовой вражды и мести. Враги сыновей Ніала окружили, чтобы сжечь, его домъ: Ніалу предлагали выйти, но онъ сказалъ: «я уже старъ и не въ состояніи мстить за погибшихъ сыновей, а въ безчестіи жить не хочу». На тоже предложеніе, жена Ніала отвѣчала: «въ молодости я полюбила Ніала и обѣщала не разлучаться съ нимъ до смерти». Внукъ сказалъ, что ему лучше умереть, нежели пережить Ніала и его жену. Старики опустились на ложе, положили между собою внука и погибли въ пламени.

Сага о Стирѣ—конца X и начала XI столѣтія. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ ея содержаніе. Въ правленіе Гакона Ярла исландскій старшина былъ въ Норвегіи для покупки строеваго лѣса. Ярль предложилъ ему выбрать себѣ что-либо изъ его драгоценностей. Исландецъ попросилъ у него двухъ берсерковъ, неистовыхъ въ бою потомковъ восьмирукаго великана. Видя невозможность укротить ихъ, Исландецъ подарилъ ихъ брату своему Стиру. Одинъ изъ берсерковъ влюбился въ дочь Стира. Стиръ обѣщалъ ее выдать, если онъ съ братомъ проложатъ дорогу чрезъ неприступную пропасть. Берсерки работали страшно, до изступленія, низвергали въ бездну огромные камни, и въ двадцать четыре часа дорога была готова. Между тѣмъ, Стиръ выстроилъ въ землѣ баню изъ дерева съ отверстіемъ вверху, какъ строились вообще скандинавскія бани; предложилъ берсеркамъ, усталымъ отъ работы, идти въ баню, жарко натопилъ ее и заперъ отверстіе. Берсерки хотѣли спастись, одному удалось выскочить, но его убилъ Стиръ; другой сожженъ въ банѣ ⁽¹⁾.

Послѣдняя мѣсть Древлянамъ состояла въ томъ, что Ольга потребовала съ каждаго двора по три воробья и по два голубя, велѣла привязать къ нимъ зажженный труть съ строю и пустить въ городъ. О подобной хитрости говорятъ еще древніе, приписывая ее Аннибалу. Титъ-Ливій (кн. XXII, гл. 16 и 17) рассказываетъ, что Аннибалъ взялъ изъ добычи въ непріятельской землѣ около двухъ тысячъ быковъ и велѣлъ привязать къ рогамъ ихъ пуки хвороста и щепокъ. Съ наступленіемъ ночи быковъ погнали передъ войскомъ и

(1) Sagaenbibliothek des skandinavischen alterthums.... von Müller, aus der dänischen handschrift übersetzt von Karl Lachmann. 1816. стр. 26—30; 37—44.

зажгли привязанный къ рогамъ хворостъ; близость огня, жаръ, а потомъ и боль, привели быковъ въ бѣшенство, они метались изъ стороны въ сторону и зажигали кустарники. Видъ тысячи огней и быстрота ихъ движенія произвели въ римскомъ войскѣ ужасъ и недоумѣнiе. Совершенно сходно съ местью Ольги, скандинавскій витязь Гаральдъ, братъ Олава святаго, взялъ одинъ городъ въ Сицилiи. Сага говоритъ, что Гаральдъ велѣлъ ловить птицъ, имѣвшихъ гнѣзда въ стѣнахъ и прилетающихъ въ городъ за пищею; къ пойманнымъ птицамъ велѣлъ привязать хворосту съ сѣрою и смолою, подложить пылающiе уголья. Выпущенныя птицы полетѣли въ гнѣзда, свитыя между стѣнами въ верхней части строенiй, покрытыхъ соломою и тростникомъ. Герой саги, Гаральдъ, былъ женатъ на дочери Ярослава и обращается къ ней въ своихъ пѣсняхъ. «Мы видѣли»—говоритъ онъ въ пѣснi—«берега Сицилiи, и, плавая на быстрыхъ корабляхъ, искали славы, чтобы заслужить любовь русской красавицы... Однажды, было насъ шестнадцать товарищей въ кораблѣ; зашумѣла буря, взволновалось море и грузный корабль наполнился водою—мы вычерпали ее и спаслися. Я надѣялся быть счастливымъ, но русская красавица меня презираетъ! Сражаюсь я храбро, сижу на конѣ твердо, плаваю легко, катаюсь по льду, мѣтко бросаю копьѣ, умѣю владѣть весломъ, но русская красавица меня презираетъ (1)!»

У славянскихъ народовъ не встрѣчается, сколько мнѣ извѣстно, преданiя сходнаго съ хитростiю Ольги и Гаральда, но имя Ольги находится между древними славянскими, и есть слѣды, что разсказъ о взятiи города посредствомъ голубей доходилъ и до западнаго славянства. Въ числѣ старочешскихъ собственныхъ именъ попадаетея имя Ольги вмѣстѣ съ именами Ярослава, Ивана, Святослава, Владимiра. Между чешскими именами лицъ, жившихъ въ десятомъ, одиннадцатомъ, двѣнадцатомъ и отчасти тринадцатомъ вѣкѣ, встрѣчаются слѣдующiя: Баба, Дѣва, Мила, *Ольга*, Слава, и т. д. (2). Въ хроникѣ

(1) Исторiя Карамзина, II, примѣч. 41.—Исслѣдованiя, замѣчанiя и лекцiи, Погодина. III, стр. 104, прим. 180.

(2) *Czasopis czeskeho museum. 1832, swazek prwni. Popis staroczeskych osobnjch a krzestných gmen od Palackého.—Dobrowsky, Geschichte der böhmischen sprache und älteren literatur. Prag. 1818. стр. 91—92; das necrologium des klostere Podlažic bei Chrast enthält eine sehr grosse menge von böhmischen namen derjenigen personen, die im 10—13 jahrhunderte bis etwa 1230 gelebet haben:.. Baba, Deva, Glupa, Leva, Mila, Olga, Slava, Strada, etc. Cp. Dějiny rzecz literatury czeskoslovenské, sepsal Szembera. 1839. I, стр. 88 и др.*

Далимила, начала XIV вѣка, въ томъ мѣстѣ, которое напоминаетъ мѣсть Ольги, имя лица и города не то, что въ нашей лѣтописи; вмѣсто Коростена—Кіевъ, вмѣсто Ольги—татары, подобно тому какъ въ нашихъ былинахъ смѣшиваются эпохи Владиміра и татаръ. Далимилъ говоритъ, что около тысяча двѣсти тридцать втораго года пришли Татары, раздѣлившись на три потока: одни взяли голубями Кіевъ на Руси, другіе—венгерскую землю, третьи—польскую:

... tateři vznidù,
i třmi prameny pojidu;
iako po svéi zemi jdiechù,
neb zpytáci ie vediechu.
v Rusiéch Kyieva dobychu... (1)

Въ рукописи XV вѣка послѣдніе два стиха читаются такъ:

nebo ge gich sspêherzi wodiechu;
gedny w Russech Kygowa welikeho holuby dobychu.

Русскій Кіевъ называется *великимъ* въ отличіе отъ другаго, *малаго*, Кіева въ Моравіи.

Въ преданіи объ Ольгѣ замѣтно скандинавское вліяніе. Оно отразилось и въ другихъ мѣстахъ лѣтописи. Полагаютъ, что извѣстія о сѣверовостокахъ Европы, которымъ такъ удивляются ученые со времени Шлецера, заимствованы лѣтописцемъ изъ разсказовъ скандинавскихъ купцовъ и пиратовъ. Многія слова въ древней лѣтописи производятъ отъ скандинавскихъ корней (2). Для точнаго рѣшенія, на основаніи лѣтописи, вопроса о скандинавскомъ и туземномъ, славянскомъ, элементѣ необходимо сравнить лѣтописныя преданія съ сагами скандинавскими и съ преданіями у народовъ славянскихъ, не подвергавшихся скандинавскому вліянію.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ народныхъ преданій, сохранныхъ

(1) Dalimilova chronica Česká, od Váceslava Hanky. 1851, стр. 138.

(2) *Погодина*, изслѣдованія, замѣчанія и лекціи. Томъ III. Норманскій періодъ.—*Буслаева*, историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Древне-сѣверная жизнь (I, 257—268) и др.—*Chronica Nestoris, textum russico-slovenicum*, edidit Miklosih. 1860 I. Миклошичъ считаетъ скандинавскими имена: Блудъ, Глѣбъ, замѣчая, что Блудъ встрѣчается между старочешскими именами, а мѣсто Глибовъ есть въ Галиціи; Лють, Диръ, Лыбедь—отъ lifandi, причастіе отъ lifa жить, vivens, viva; Прѣтичь отъ fretg и славянскаго суффикса ичь; прозвище «волчій хвостъ»—славянскій переводъ скандинавскаго имени, и т. п.

лѣтописью, принадлежитъ разсказъ о смерти Олега, предсказанной волхвами, игравшими важную роль въ древней русской жизни, какъ показываютъ историческія свидѣтельства. Преданіе объ Олгѣ, и по мысли, и по подробностямъ, извѣстно и на югѣ, и на сѣверѣ Европы, и въ скандинавскомъ, и въ славянскомъ мірѣ; оно относится къ различнымъ лицамъ, какъ обыкновенно бываетъ въ произведеніяхъ народной словесности. Мысль преданія состоитъ въ томъ, что человѣку не избѣжать своей судьбы, и она постигаетъ именно тогда, когда человѣкъ думаетъ, что покончилъ съ нею навсегда и уже вполне безопасенъ. Эта мысль развивается во многихъ памятникахъ славянской народной словесности отъ пословицы до сказки. Возьмемъ примѣры у двухъ, во многихъ отношеніяхъ не сходныхъ между собою, славянскихъ племенъ—Поляковъ и Сербовъ.

Богатый панъ—гласитъ польская *кѣхла*—жилъ надъ Вислою, все окна обращены были на рѣку и ни одно не выходило на другую сторону; дворъ заросъ травою; никто не рѣшался подойти къ страшному дому. Родился панъ подъ несчастною звѣздою: глаза у него были смертоносные, отъ взгляда его умирало все живущее, засыхала трава и увядали деревья; всюду за нимъ слѣдовали болѣзни и смерть. Одинъ отважный пловецъ причалилъ—было къ бѣлому двору, но разсерженный панъ взглянулъ на него, пловецъ упалъ замертво, заболѣлъ лютой болѣзью и долго не могъ оправиться; разсказами своими, онъ еще болѣе запугалъ пловцовъ: плывя по Вислѣ, не смѣли взглянуть на бѣлый дворъ и тайнѣ творили молитву. Единственнымъ спутникомъ пана былъ его старый слуга; ему одному не вредили грозныя очи. Разъ, во время вьюги, панъ, отвыкшій отъ человѣческаго голоса, изумленъ былъ пріѣздомъ семьи, спасавшейся отъ стаи волковъ. Сбившаяся съ дороги семья состояла изъ отца, матери и дочери. Панъ влюбился въ дочь; свадьба отпразднована великолѣпно, заросшая трава измята потѣжанами. Но потомъ опять опустѣлъ домъ, молодая жена лежала больная на богатомъ ложѣ, мужъ ухаживалъ за нею, отворачивая глаза. Истерзанный страданіями жены, онъ рѣшился положить имъ предѣлъ—выколоть себѣ глаза. Раздалось два крика—новорожденного, впервые увидѣвшаго свѣтъ, и пана, видѣвшаго его въ послѣдній разъ: зловѣщія глаза упали на-земь съ окровавленнымъ ножомъ. Вѣрный слуга закопалъ ихъ въ саду. Все перемѣнилось съ этой минуты: ворота растворены, окна пробиты на село и на гумно, пловцы пристають къ бѣлому двору, все любятъ

прекрасной дѣвушкой, водящей слѣпаго отца. Между тѣмъ, слугѣ, за-
рывшему глаза въ землю, вздумалось посмотрѣть, что сталося съ ни-
ми, цѣлы ли они; онъ отрылъ ихъ;—они горѣли какъ свѣчки, и блескъ
ихъ такъ поразилъ старика, что онъ упалъ и умеръ; въ первый и
въ послѣдній разъ повредили старику грозныя очи! Отчего же преж-
де не вредили? Оттого, что нашъ *любилъ* его и *сердце* отнимало
губящую силу у глазъ, а теперь они лежали *одни* и набрались пу-
щей силы (1).

Таже мысль о неизбѣжности рока, хотя съ другими подробно-
стями, выражается въ сербскомъ преданіи о суженомъ днѣ—суѣн дан.
Сербы вѣрятъ, что каждому человѣку суждено какою смертью уме-
реть и отъ судьбы невозможно избѣжать; у нихъ есть пословица:
«од суѣна се не може утећи». Рассказываютъ, что у какого-то
царя была дочь, которой вѣщунъ предсказалъ смерть отъ змѣи; что-
бы спасти дочь отъ судьбы, царь сдѣлалъ для нея стеклянный домъ,
въ который не могло даже заползти насѣкомое, и никуда не вышус-
калъ ея изъ дома. Но когда насталъ суженый день, она захотѣла
винограду; слуги принесли большую кисть; въ виноградной кисти
скрывалась змѣйка, и эта то змѣйка укусила царскую дочь, и она
умерла, постигнутая суженымъ днемъ.

Другой рассказъ о суженомъ днѣ еще ближе къ нашей лѣтописи.
Одной дѣвушкѣ вѣщунья предсказала смерть отъ волка, жившаго
близъ села въ лѣсу. Дѣвушка отдана была замужъ въ другое село,
и дорога къ нему шла черезъ лѣсъ. По сербскому обычаю, невѣсту
проводжали сваты верхомъ; во время поѣзда, на нее напалъ волкъ,
но сваты убили его. Потомъ отецъ и мать, «отишли у походе»;
«походе» называется первое посѣщеніе новобрачной ея родными. Она
должна бы въ свою очередь посѣтить ихъ, но, боясь волка, не вы-
ходила изъ села своего. Прошло девять лѣтъ; терпѣніе ея лопнуло;
собрали столько же людей, сколько провожало ее въ первый разъ,
и пошли черезъ лѣсъ. Волкъ напалъ на нее, и сопровождавшіе уби-
ли его. Она встала съ лошади, и съ досады ударила ногою въ го-
лову убитого волка: зубъ вошелъ въ ногу, нога распухла, и женщи-
на, обреченная на смерть отъ волка, умерла (2).

Поразительное сходство, даже въ подробностяхъ, представляютъ два

(1) Klechdy ludu polskiego i Rusi, zebrał Wojcicki. I, 33—72.

(2) Слышано въ Сербіи, въ Чаганскомъ округѣ, въ селѣ Дѣдовецѣ.

преданія, скандинавское и сербское, изъ которыхъ одно находится въ исландской сагѣ объ Орварѣ Оддѣ, другое слышано мною въ глубинѣ Сербіи (¹).

«Вѣщуныя предсказала норвежскому герою Орвару Одду, что ему назначено рокомъ триста лѣтъ счастливой жизни, въ продолженіе которыхъ онъ наполнитъ своею славою отдаленнѣйшія страны; но по истеченіи срока погибнетъ отъ своего коня, цвѣтомъ пепельнаго и называющагося, отъ повислой гривы, Факсомъ. Орваръ Оддъ умертвилъ Факса и свергнулъ его въ глубокой ровъ, зарылъ его и сдѣлалъ надъ нимъ большую насыпь изъ камней и дерна. Спокойный за свою будущность, Орваръ Оддъ отправился въ далекія путешествія. Ровно черезъ триста лѣтъ воротился онъ въ отечество. Многія мѣста, покрытыя прежде зеленою, поблекли и высохли; высохло и болото, въ которое брошенъ былъ Факсъ, и не осталось никакого слѣда отъ могильной насыпи: лежала только голая и гнилая голова коня. И это голова Факса! сказалъ Орваръ Оддъ, ворочая ее кошемъ. Между тѣмъ ящерица выползла изъ конской головы, и уязвила Орвара Одда въ пятку, откуда смертельный ядъ разлился по всему тѣлу».

Сербское преданіе «о судьбинѣ» переноситъ мѣсто дѣйствія въ Турцію и, вмѣсто волхва, предсказаніе приписывается доктору:

«Одинъ султанъ очень любилъ лошадей. Онъ досталъ себѣ коня, котораго до того любилъ, что по цѣлымъ днямъ проводилъ подлѣ

«(¹) Слышано въ Шабѣ отъ уроженца села Беочина въ Фрушкой горѣ. Приводимъ самый подлинникъ:

«Био е едан султан, турскій цар, кои е одвеје рало имао конѣ. Добіе едног особитога хата, кога е тако волео, да е по вас дан у аару кол нѣга бавіо се, у него гледо и миловао га. Кад-кад тражили су га у дивани, па су га у аару напѣи. Еданпут га доктор нѣгов опомене, да се он чува тога коня, јер ље тай конь, кога он тако любви, нѣму главе доѣи. Султан се поплаши, и ладе га у одну ливаду одвести с том заповести, да нико бригу о нѣму не води. Кад зимѣ доба наступи, конь цркне. Султанъ се обрадуе, кад е чуо, да е конь цркао, и рекне: фала пророку, сад нема више онога, од кога сам е страшио, да ље ми главе доѣи. И 5—6 година піе у ливаду ишао. Еданпут му доѣе воля, да чини зілфет. Сазове многе великаше, и ту ій е почастіо царскіи. Кадсе захлади, поѣе с гостима проходити се по ливади. Наиѣе на одну кость—коньску главу; па онда друштву рекне: ово е глава онога тога хата, кога сам я волео, него ишта на свету, и за кога ми е овај той доктор казао, да ље ми той хат главе доѣи. То рекши, гурне главу погом, скочи гуя из главе, удеде султана у ногу, од кога уеда цар треѣи дан умре. И тако се испуни и пророчество доктора и непостижима судба.»

него, глядя на него и любуясь. Бывало, ищутъ его въ сенатѣ, а находятъ въ конюшнѣ. Однажды докторъ сказалъ ему, что онъ умреть отъ своего любимца—коня. Султанъ испугался и велѣлъ отвести коня на лугъ и оставить его безъ всякаго присмотра. По осени конь издохъ. Узнавши объ этомъ, султанъ очень обрадовался: хвала про-року, сказалъ онъ, пѣтъ уже больше того, отъ кого я ожидалъ смерти. Пять—шесть лѣтъ царь не ходилъ по лугу. Но вдругъ вздумалось ему устроить пиръ; онъ созвалъ вельможъ, угостилъ ихъ по царски, а когда стало прохладнѣе, пошелъ съ гостями гулять по лугу. Во время прогулки попалась ему подъ ноги лошадиная голова; обращаясь къ спутникамъ, онъ сказалъ: вотъ тотъ конь, отъ котораго докторъ пророчилъ мнѣ смерть. Говоря это, султанъ толкнулъ ногою конскую голову, изъ нея выскочила змѣя и уязвила его въ ногу; отъ этой язвы султанъ умеръ на третій день. Такимъ образомъ, исполнилось и пророчество, и непостижимая судьба».

Преданіе о смерти Олега находится. въ одинаковомъ видѣ, въ различныхъ редакціяхъ лѣтописи, согласно съ ея древнѣйшимъ спискомъ ⁽¹⁾. Оно считалось достопамятнымъ событіемъ лѣтописцами, прибавлявшими объясненіе для доказательства, что предсказанія волхвовъ сбываются. Даже въ тѣхъ редакціяхъ, въ которыхъ извѣстія о первыхъ вѣкахъ состоятъ изъ краткихъ замѣтокъ, лѣтописцы не забываютъ отмѣтить: «умре Олегъ, а смерть ему отъ коня своего, и выйде изъ лба змія, и уязви его въ ногу, и умре». Иногда рассказъ сопровождается выводомъ въ родѣ слѣдующаго: да научится каждый, что судьбѣ противиться нельзя и суда Божія никому не избѣжать...

М. Сухомлиновъ.

(1) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. I, 16; II, 240—241; IV, 174.

ОБЪ ЯРМАРКАХЪ.

(До сѣльскихъ парафіянъ).

...Неразъ буває, що якъ прийде неділенька святая, а часомъ и празникъ, то буді де кого побачишъ у церкві: кїдають усє, и службу Божу, та поспіхомъ въ ярмарокъ те іде, те йде. А ті ярмарки на нашу годину лиху найбільшъ припадають якъ не въ празникъ, то въ неділю. Чи-то жъ справді що кожного разу потрібно вамъ до міста? Чи-то разъ-у-разъ самому треба бути у місті, що бъ купить що, або продати? Чи тільки жъ и гріхъ тому, хто до ярмарківъ втащає, що одираву святую втерає? Чи може інший и тамъ добра не придбає, до дому вернетца—и тутъ добра не знайде? — Всяково буває.—Ходімъ же та подивимось, якъ-то люди въ ярмарокъ збираютьца, якъ тамъ себє поважають и до дому вертаютьца? Чи всє-то по Божому въ їхъ робитца?.. Ні, всяково буває.

Вечоріє у субботу; потомілись люди на роботі и сонечко вже на взаході. Отъ бовкнули до вечєрні въ дзвінъ; сполохнулись люди на нивахъ, розігнулись, стали на церкву, здихнули до Бога, трічі перехристїлись, та й зновъ хто за косу, хто за сєрпъ, — ручки дійти, снопа довязати. Благослови їхъ, Боже! то добрії люди, —вони Бога въ сєрці мають. Ще годинъ скільки, знялись усі, якъ водою змїло,—въ сєло пішли. Передзвонили до вечєрні... авъ церкві нікого немає: тільки такъ бабокъ изъ пята, що підъ дзвіницею сиділи, въ бабіищі стоять, та Богу молятца за діточокъ, за внуківъ. Де жъ діти, де внуки?.. На полі, підъ сєломъ, у сєлі, поузь церковъ идуть, перехристятца, и церкву минають. — Іде одирава: дітки ягнятокъ загаяють, жінки страву готують, а чоловіки вози

справляють — въ ярмарокъ їхать. — Може й справді ніколи до цѣркви... а ще жъ и ярмарку нема!

Стемлило скрізь: дѣ — котрі й спать полягали, Богу помолившись. Пийдіть теперъ по селу: чого-то світитця въ дѣ-якихъ хатахъ, чого люди гомонять? То въ ярмарокъ збіраютьця. Тамъ батько зъ синомъ, мати зъ зятемъ, або чоловікъ зъ жінкою радятця, що бѣ-то купить, якъ би-то продать. Нема тутъ слѣва лихого, розмовляють вони любесенько, — тільки часомъ вздихне котрѣ легенько, та промовить тихенько: «якъ Богъ помѣже достатьця завтра... на Бога надія... коли бѣ то давъ Господь.» И згадаешъ тутъ, яку-то заповідь дає на сей слѣчай Св. Апостоль Іаковъ: *«аще Господь восхощеть и живи будемъ, сотворимъ сіе или оно»*, — такъ, каже, треба казати, якъ думаешъ що зробити. — Та не багато на свѣті людей побожнихъ: тамъ діти змагаютьця за батьківське добро, одно продать хоче, другѣ зостають, и лаютьця на вмиръ въ ночі прѣти неділі и мѣртвихъ зъ грѣба викидають; тамъ жінка вередѣе, очіпка, хустки бажаетъ; ось чоловікъ жінку бѣе, грѣші видирає, що до цѣркви поминилася на молѣбніи однести; їмъ, бачъ, хочетця пропити криваву копійку: зъвсімъ до ярмарку не треба. Тамъ въ безвѣрхій хаті лиху долю кленуть, що нїде грѣшей достати и нічого продати, а тутъ багаті виїзжають зъ двору зъ рїбою, та зъ сіллю, а въ іншого мішківъ цѣловень візь: ті Бога гнівлять, ці про Їго ласку не згадують. Отъ ище въ одній хаті огонь погасаетъ, вдова убогая сидить на лавці, на діточокъ поглядає, слѣзами вмиваєтця, що хлїба й солі немає и нічимъ зодягнутьця, и не знає, куді бѣ повернутить въ такій лихій недѣлі: багаті гордѣють, а вбѣгій—що помѣже? — Нехай же іі Богъ навчить, нехай утішить Бѣжа Мати! — Остання душа въ селі не спить: то мати сїна спинає, щобъ не йшовъ за дурницею у місто, та попросивъ би сусїдівъ дѣ — що въ ярмарку скупить: «чи то жъ не грѣхъ,» вона каже, «що такъ зневажаешъ ти недѣлю святую? — Слѣжба Бѣжа по всѣмъ свѣту итїме, а ти будешъ лазити міжъ возами, та слѣхатъ даремніи слова, та свѣрку, та лаїку. Вставъ би ранѣнько, лишѣвъ би до цѣркви, Богу помолївся бѣ; бачъ — я слаба, та й батька на свѣті немає.» — Не слѣхає синъ, стару цѣньку зневажає, недѣбре щось бурмоче, мабуть вінъ ласки відъ Бѣга и счѣстїя не хоче. Ходїмъ відъ ѣго, — за село, у поле: може ще дѣ-кого побачимъ.

Світить місяць надъ землею; по дорѣзі вози скриплять, народъ

гомонить, хто іде, хто йде, а де-які стали спочивать. Отъ чумаки въ бальці на нічъ ставши, повечеряли, та Бóгу щіро молятця; геть одъ шляху сліпці въ траві сидять: хто молитовку шепче, той *Лазаря* на лірі ніби твердить; и сі бачъ у ярмарокъ поспішають—хліба прохати.—Поможі їмъ Бóже!—то душі приязні, не бачять вони нікого, ні зъ кого не сміютця, лихобі долі не кленуть, за людéй Бóга все просять и Бóгу навчають молитись. Далéко у полі щось маячить: то убогая вдова манівцемъ шкандибає, останнєго півника у ярмарокъ несє, щобъ соли дрібчківъ скільки купити. Втомилась небóга, впала на межу, кулакъ підъ голову підклала, слезою на нічъ умилась и стала ніби бъ дрімать. Коло неї підъ копою старчикъ Бóжий спочиває, помолівшись Господеві за онуківъ недобрихъ, що на старість зъ хати виганяють. Заснувъ и той, заснули всі, въ селі, и въ полі и въ місті. Бідному снітця, що вінъ багатимъ ставъ,—багатому що грóші втерівъ, худóбу покрали; іншому снітця, що хтось ёго ошукавъ,—другóму нічого не снітця,—мабуť не мисливъ вінъ нічого лихóго, бо то вже сказано, що въ день кому на умі верзлòсь, те й во сні ввижається.

Минула нічъ, світать вже стало; стрепенулись люди: інше перехристилось, друге помолилось, інше жъ такъ чимъ-дужъ біжить до міста. Та не поможе Богъ томú, хто объ Ёму не згадає. Ідуть и йдуть изъ ближніхъ и дальніхъ сіль,—хто зъ вéчора знявся, хто въ ранці прокинусь; а по сèламъ утренью правлять,—нема́ нікого въ церкві. Отъ походились, позьїздились у місто; місьця займають, ставлять вози, розвязують, розставляють, що хто принісь, абò привізь. Господи! скільки тутъ крику, скільки тутъ свáрки. Нехай би то перéкупки: ті не знать защо заведутця; а тожъ люди, здається, поважні, та й ті свáратця: не на томú, каже, місті ставъ, та не такъ вóза поставивъ, або кóлесомъ зачепивъ. Чи есть тутъ защо змагáтьця, та лихослòвить? Оттакъ неділю святую стрічають! Не бóде добра томú, хто диявола такъ рано згадавъ.

Отъ стали дзвонить и на девáту пісню; може люди схаменутця. И справді де-котрі перехристились, а другимъ не до тóго: що дальшъ, то більшъ народу прибуває,—ходять, обглядають, прицінюють, торгують: ті дóрого правлять, другі ненáче не чують, товаромъ кепкують, та докоряють оди́нь другóго словами лихими. Чи то жъ християне, що Бóжого дня не шанують? Чи мають вони Бóга въ сéрці? А чи давнó жиди справляли шабасъ, та пі оди́нь

не вигляне въ місто, лавки позапірані, молятця Бóгу дома, чи въ школі. А якъ прийшла неділя, то тутъ-то саме й жида торгують. Якъ кажуть, то й правда, що безъ жида и ярмарку не буде. Нічого робити: ходімъ подивимось, якъ то християне въ свято торгують, що продають, и якъ купують.

Зійшло вже сонечко и людъ Божий пригріло, освітіло: не пригріло тільки душі скупого, та не освітіло чоловіка лукавого, що міслить все когось ошáхрять. Отъ багаті на возáхъ сидять, сіль продають, повиіздили зъ своєю мірою, та вагою, обмірюють, обвішують, та дорого правлять. Багатому все здається máло. А відурить у ко́го копійку лишню, чи то жъ не все одно́, що зъ кишéні въ ёго вкрасти? Такъ ні; не вважають вони на Бóга, тільки на своє багáцтво. Прийшла жінка мізерна солі куповáти, та такъ багатого прохає, щобъ шажокъ спустивъ, та хотъ дрібóчокъ прикинувъ: «сгляньтєсь, «ка́же,» дядечку, на мене убогу: дітки малéнькі, грошей немає. Нехáй вамъ Богъ заплáтить!» Одверну́вся, ніби не чує, та спéршу про себе ка́же: «Богъ заплáтить!» а потімъ до неї: «вибачáй небóго; нехáй тобі Богъ помóже...» Чи мóжна жъ такъ казáти, чи мóжно Бóга цурáтьця?—Замóвчала сердéшна, не ла́йтця, не плаче й не прóсить; скривíлася трóшки, завинúла въ хустíночку, щó купíла, та й пішла вздовжъ базáру. Остáлось въ неї шажкíвъ зó два, такъ одного стáрцеві отдала, а другого до цéркви занесла. Оттутъ прийшло мині на пáм'ять, якъ-то Христосъ Спасíтель, якъ ще живъ на землі, стоявъ разъ коло храму Іерусалимського и дивíвся, якъ лóди грóші кíдали до карпáвки цeрковно́ї. Лóди замóжні клáли багáто, одна жъ удовиця тільки дві лéпти вкíнула, а Христосъ уздрíвъ та й ка́же: «ся найбільшъ усіхъ укíнула, бо що мáла—все Бóгові отдалá.» — Такъ не багáто такихъ лóдей знайдемо и въ ярмарку, хочъ скíльки тамъ народу.—Отъ ще деь двóе убо́гихъ змага́ютьця за цíну: одíнь овечку продáє, щобъ подúшне оплатíть, другий купé для діточóкъ малéнькихъ. Лíхо змага́етця; тільки жъ чу́ю,—одíнь ка́же: «спустí, дíдку! нехáй тобі Богъ зъ вíщого нéба припошлè.» Замóвкъ сердéга, голову схилíвъ, тихéнько промовляє: «и тó правда. Нехáй же мині Господь заплáтить, ко́лі въ тéбе нічимъ!» Тамъ далі пашню уся́ку продають: въ íншого мíшечки малéнькі, не пóвні, а дорого правíть и бóжитця, що по двá четверикí влáзить; въ дрúгого тільки звéрху чíсте зерно́, а въ серéдині зъ половою намíшане; у того́ бóрошно зúвсімъ чóрне, бо зъ кúкíлемъ та вся-

кою нечистью молóлось, а вінъ присягаєтця, що на млині спалило, або въ копахъ змочило; той кавуні часомъ продає зелені, та такъ завіряє, що дуже спілі. Тамъ у тиковці тільки звérху олія, на споді жъ вода; тутъ мáсло корóвяче ніби продає въ горщечку, а въ середині овече, або самий смáлець, та ще й поганий. И, Господи, скільки тутъ брехні, обмáну! а бóжятця, присягають: «бодáй,» каже, «міні добра не було! бодáй я до дому не дійшовъ! Дáй міні Бóже такъ по правді вікъ изжítь и дítей распорядítь, якъ я по правді кажú». А на торговіці, де коней, та волівъ продають, скільки тамъ мошенства, неправди! У волівъ часомъ зубівъ нема,—каже: на бразі зімóвані; коняка зовсімъ падає,—нагайкою вдáрить, вибрікує бідна; коли старá, то каже, що тільки сімъ рóківъ, а якъ підóрвана, то въ далéкій дорóзі була. И Бóга не боятця и людéй не стидáтця.

Поторгували доволі, ошáхрали, когó и якъ можна було, продали, що мали, купили, що комú трéба, та й стали розсхóдитця. Будí жъ? Мóже до цérкви? Тамъ слóжба Бóжа пізнéнько правítця. Такъ ні; хутчій до шиньку, щóбъ наístись, та напítця. Вонó и то бъ нічóго: підживítись трóшки, та, подякувавши Бóгу, додóму скоріше; коли жъ міри не знають,—не пьóть, але впивáютьця, не нáче справді то дóбре діло. И чогó вже въ тихъ шинькáхъ не буває: подуріють людé розумні, співають, кричáть, лихослóвлять, докоряють одíнь другóго, згадають живíхъ и помérшихъ, згадають усé, що коли робíлось, чогó бъ и не трéба згадувать; íнші лáютця въ дúшу и въ віру, а часомъ и бьóтця, та ще якъ? —коліньми въ грúди, та въ живítь. Господи! чи то жъ люди? Ні, такъ зúвсімъ якъ звíрі,—ради бъ, здаєтця, одíнь другóго ззісти, або вбítь,—поки то людé розборóнять. Вста́нуть розхрístані; на людéй стíдно гляну́ть, а вони зновъ лáютця, та ще й нахваля́ютьця. А за віщо? За пусті́і рéчи. И нічóго бъ тогó не було, колибъ не впивáлись. Íнші жъ плачуть дурні́чки, або обнима́ютьця, та ці́лютьця, хто справді, а хто зъ п'янихъ очéй: одíнь другóго не бáчить, слíпа кóтитця зъ рóта, ажъ гíдко збóку дивíтьця. Що жъ дáли? Дé-де хто тверéзий вихóдить, до дóму йде, чи íде: той підъ лáву звáлився, той на стíлъ спéрся та хропé и часомъ жаха́етця и врагъ ёго зна що блéє; той у двéрі не попаде, объ одвірокъ лóбомъ бьётця; íнший підъ хáтою жидівською валя́етця, пси й свíні наві́ть обхóдять, и счáстя вели́ке, якъ хтó до вóза доберётця:

на візъ злізе, на скотіну гукне, пішла німа скотіна... Вона не промовить, не осудить; такъ люди осудять, Господь покарає й на сімъ світі й на тімъ.

Поросхобились, порозъїздились усі, геть по шляхамъ ростягнулись. Спотикаютьця піші, лежать ніби мёртві на возахъ: той грощі згубивъ, того смага пече,—вінъ пити просить и крізь сонъ жінку, та дітей лає, що ніби воді їмъ не дають; той горшки потовкє, вікна побивъ; у того скотіна зъ дороги збілася — візъ поламався. Де-котрі прохмілились тріхи, та й зновъ коло шиньківъ поставали—остатні грощі пропивать. Засїділись хозї надъ горілкою, та надъ пустою мовою; другі виличують грощі, співають, танцюють, а скотинка бідна стоїть голодна, пити хоче; нікому доглянуть, а вона бачъ—не скривитця, не заплаче й слова не промовить. Лішкo тяжке, та не однімъ людамъ, и скотіні за ними! Коли бъ же то на томъ й кінець, що въ ярмарку, та по шляхамъ виробляють, а то додому вернутця,—ще гірше часомъ буває: інший жінку лає, або й бє Богъ зна за віщо, може за те, що обідать зоставила; порозганяє, поперелякує дітей, що такъ довго тата виглядали, на тинь спинались, гостинчика чекали. А прокинетця вночі, або вранці встане,—заспаний, загудланий, голова якъ не розвалитця, бчі чирво́ні — тільки не повилізять, и стїдно, и труситця, и місця не знайде, де бъ то присісти, куди бъ повернутця, и добре, дуже добре, якъ не потягне зновъ до шиньку.

Оттакі-то ярмарки ваши! Оттакъ-то ви шапєте неділеньку святую! И одъ людей сміхъ, и Господь карає, и самимъ певірно! Алежъ то дивно, що самі люди ліхо рблять, а на біса звертають: бісь, кажуть, повідумавъ ярмарки, та постановивъ по неділямъ та по празникамъ. Ні, не бісь, а грішніи люди... бо за роботою гірькою справді ніколи вамъ въ буддень ярмаркувати. Та не було бъ зъ того ліха великого, якъ би то ко́жне зъ васъ тогді тільки йшло въ ярмарокъ, якъ уже доконєчне треба и нікого попрохати, що бъ купивъ де-що, або продавъ; не було бъ зъ того ліха, якъ би то ко́жне Б́ога въ серці мало, та не обманювало, губою не клепало, и куповало бъ и продавало по щїрій правді; якъ би поторгувавши, котрімъ блїзче, ишли скоріше въ село до служби Б́ожої, а хт́о здалєка, що бъ у місті до цєрки пішовъ; не було бъ, каж́у, зъ того ліха, якъ би по шинькамъ не тягались та не впивались. Самі жъ ви ка́жете, що ніколи та го-

рілка до добра не доведе. Покайтеся жъ, якъ добрії люди и не робіть того ніколи. Тоді и Богъ васъ не оставить, и Мати Бѣжа помилюе, и всі святі на все добре до помочі вамъ стануть. — Амінь (*).

(*) Оцю бесѣду зъ селянами привізъ намъ, зъ Київщини, нашъ славний Кобзарь-народолюбець, дуже її похваляючи. Вінъ розумівъ її образцѣмъ учительної розмови зъ нашимъ ширимъ людомъ. Для того, щобъ народъ послушавъ нашої науки, треба говорити зъ нимъ уміючи, треба промовити до его поэтичнѣго, чужого серця.—Сочинитель цієї бесѣди ясно зрозумівъ свою задачу, и ми не знаємо нікого другого, хто бъ учивъ народъ такъ гарно, такъ просто и образно,—по-нашому.

Високоповажний сочинитель не підписавъ свого імення: тимъ и ми тутъ не підписуємо; а ради бъ усімъ его оповістити.—Жадаємъ серцемъ, щобъ вінъ вибравъ ще інші речі, зъ ширшою основою, для своєї народиці казани.

УЧИЛИЩА, ОБРАЗОВАВШІЯСЯ НА ЮГѢ

ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ВРЕМЯ (¹).

Въ числѣ первыхъ, насущныхъ, потребностей общества стоитъ народное образованіе. Вопросъ о немъ поднять у насъ давно и уже получилъ право гражданства въ литературѣ и жизни, хотя и нельзя сказать, что необходимость образованія ясно признана всѣми или по крайней мѣрѣ большинствомъ, и хотя невѣжество и злонамѣренность поднимають иногда противъ него голосъ.

Нѣсколько лѣтъ уже наше общество думаетъ объ улучшеніи воспитанія женщинъ. До сихъ поръ у насъ преобладали закрытыя женскія школы и притомъ такъ-называемыя *благородныя*; школъ, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ, было крайне мало; двери ихъ, по дороговизнѣ въ нихъ воспитанія, были закрыты для небогатыхъ людей, которыхъ у насъ, какъ и вездѣ, большинство. Наконецъ, женщина наша воспитывалась далеко отъ семьи, въ замкнутомъ сословномъ кругу, отчего нерѣдко получала ложное понятіе о народѣ и о жизни съ ея вѣчнымъ трудомъ и борьбою. Всѣ эти неудобства привели къ мысли объ учрежденіи женскихъ школъ, во-первыхъ открытыхъ, во-вторыхъ недорогихъ, въ-третьихъ доступныхъ для дѣтей всѣхъ сословій. Такими школами явились женскія гимназій.

Кіевъ первый изъ украинскихъ городовъ открылъ у себя женскую гимназію.

Кіевская женская гимназія обязана своимъ существованіемъ пожертвованію бывшаго кіевского гражданскаго губернатора, *И. И. Фундуклея*, по имени котораго она и называется фундуклеевскою

(¹) Въ предлагаемомъ сводѣ извѣстій о нашихъ училищахъ, неизбежно есть пропуски, и потому покорно просимъ всѣхъ, кто можетъ въ чемъ-либо дополнить или исправить эту статью, — сообщать намъ свои замѣчанія; мы не преминемъ ими воспользоваться.

женскою гимназією. Вначалѣ 1859 года, въ Кіевѣ уже поговаривали о женской гимназіи, но, какъ говорить *Кіевскій Телеграфъ* ⁽¹⁾, «общество было совершенно равнодушно къ ея учрежденію. Еще купечество рѣшилось—было сдѣлать пожертвованіе, хотя и подлѣ условіемъ основанія гимназіи исключительно для дѣвицъ своего сословія. Оно было сдѣлано изъ опасенія, что, въ противномъ случаѣ, пожертвованіемъ воспользуются только *благородные*. *Благородные* же не показали *ровно никакого участія*.» Такимъ образомъ участь проекта о гимназіи была самая плачевная... Для осуществленія этого проекта, «г. попечитель учебнаго округа *принужденъ былъ* обратиться за содѣйствіемъ къ г-ну генералъ-губернатору. Князь П. П. Васильчиковъ принялъ въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе, велѣдствіе котораго и сдѣлано г-мъ Фундуклеемъ пожертвованіе ⁽²⁾.» Г. Фундуклей отдалъ для гимназіи каменный двухъэтажный домъ на кадетской улицѣ въ г. Кіевѣ и, кромѣ того, на содержаніе ея, въ продолженіе всего времени, пока она будетъ существовать, ассигновалъ 1200 руб. серебромъ въ годъ. Эту сумму онъ обезпечилъ своимъ имѣніемъ.—Въ концѣ августа, (или въ началѣ сентября) былъ полученъ указъ Правительствующаго Сената по Высочайшему повелѣнію, объ открытіи въ Кіевѣ училища для приходящихъ дѣвицъ. Оно должно было именоваться Фундуклеевскимъ и состоять въ вѣдѣніи главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, подлѣ покровительствомъ Государыни Императрицы. Почетное попечительство присвоено г. Фундуклею, а постоянное Кіевскому военному, Подольскому и Волынскому генералъ-губернатору, которому предоставлены все распоряженія по учрежденію училища. Главнѣйшія основанія, на которыхъ учреждено училище, слѣдующія: къ обученію въ училищѣ допускаются дѣти всехъ свободныхъ, безъ различія, состояній, отъ 9-ти до 13-ти лѣтъ; по уважительнымъ причинамъ могутъ быть принимаемы и 8-ми-лѣтнія, а равно и старѣе 13-ти лѣтъ. Полный курсъ ученія продолжается 6 лѣтъ; 7-й годъ образуетъ классъ пригготовительный, куда принимаются вообще неграмотныя. Курсъ ученія раздѣляется на два отдѣленія: *нижнее* и *высшее*, по три года въ каждомъ. Нижнее отдѣленіе образуетъ само — по — себѣ самостоятельный курсъ, «удовлетворяющій потребности образованія *нижняго* и *меньше зажиточнаго* класса

(1) К. Телеграфъ № 5. Іюль, 1859 года.

(2) Тамъ же.

жителей.» Предметы *обученія* дѣлятся въ обоихъ отдѣленіяхъ на обязательные и необязательные. Къ обязательнымъ относятся: молитвы, священная исторія, исторія церкви, катехизисъ, «*который долженъ быть не столько въпроученіемъ, сколько правоученіемъ*»; русская грамматика, исторія русской словесности, всеобщая и русская исторія, географія и, для высшаго отдѣленія, одинъ изъ новѣйшихъ языковъ; а къ необязательнымъ: языки, музыка, танцы и рисованье. Руководѣіе—предметъ общій для обоихъ отдѣленій. Окончившимъ курсъ выдается аттестатъ:—отлично окончившимъ курсъ въ высшемъ отдѣленіи, съ правами изложенными въ §§ 134 и 135 устава женскихъ учебныхъ заведеній; воспитанницамъ низшаго отдѣленія — безъ означенныхъ правъ. Плата въ низшемъ отдѣленіи по 15 руб. ср. въ годъ, въ высшемъ по 30 р., за ученіе обязательнымъ предметамъ; за необязательные плата особая, очень умѣренная.

При самомъ открытіи, гимназія не встрѣтила большого сочувствія въ обществѣ г. Кіева: «много было невыгодныхъ толковъ относительно ея пользы, говорили, что никто не рѣшится отдать свое дитя въ *общее* заведеніе, куда доступенъ входъ и дочери *простаго ремесленника* и дочери *знатнаго сановника* (1); но потомъ, вѣроятно, убѣдясь въ пользѣ, приносимой *общимъ заведеніемъ*, гдѣ за дешевую плату можно получить то же образованіе, какъ и въ дорогихъ сословныхъ женскихъ пансіонахъ, большинство измѣнило мнѣніе и, въ іюнѣ 1860 года, предположено было открыть еще одно женское училище въ видѣ особаго отдѣленія Фундуклеевской гимназіи,» такъ какъ открытая женская гимназія, при всѣхъ своихъ удобствахъ для многихъ изъ жителей города, не могла одинаково удовлетворять всѣхъ. Кіевъ слишкомъ разбросанъ, раздѣленъ горами и оврагами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно великъ. Не для всѣхъ одинаково удобно посылать дѣтей, по большей части малолѣтнихъ, въ новую гимназію съ Подола и Печерска (2). Поэтому предположили открыть училище на Подолѣ, которое должно было, для сокращенія расходовъ, составлять, пока, часть существовавшей гимназіи, имѣть съ нею одно управленіе и называться, поэтому, «Подольскимъ Отдѣленіемъ при Фундуклеевской женской гимназіи.» Открытіе этого отдѣленія вызвано чисто потребностью общества, что доказываетъ пожертвованіе купечествомъ 25-ти

(1) К. Телеграфъ, 1860 г., № 77.

(2) К. Т. 1860 г., № 43.

тысячъ рублей серебромъ для этой цѣли. Открытіе послѣдовало 20-го января 1861-го года. Училище состоитъ изъ 3-хъ нормальныхъ классовъ и одного приготовительнаго; программа его та же, какая существуетъ для низшаго отдѣленія Фундуклеевской гимназіи; существованіе училища обезпечивается ежегоднымъ доходомъ съ пожертвованнаго капитала, что составляетъ не менѣе 1750 р. ср. Для полноты свѣдѣній о Фундуклеевской женской гимназіи, остается прибавить, что, несмотря на невыгодный для нея взглядъ большинства при ея открытіи, къ концу перваго (1860) года ея существованія, въ ней было 134 воспитанницы.

Въ томъ же 1859-мъ году, когда состоялся проектъ Кіевской женской гимназіи, — на дворянскихъ выборахъ Екатеринославской губерніи, — 21-го сентября принятъ былъ проектъ женской гимназіи въ г. Екатеринославѣ. Въ пожертвованіи приняли участіе преимущественно дворяне, которые ассигновали для этой цѣли 100 тысячъ рублей серебромъ, а г. Понятовскій пожертвовалъ особый домъ, для помѣщенія гимназіи. Пожертвованныя деньги положено было распределить такимъ образомъ: 20 тысячъ рублей употребить на устройство гимназіи, а остальные 80 тысячъ обратить въ неприкосновенный ея капиталъ, на проценты котораго содержать нѣсколько дѣвицъ дворянскаго званія. Въ этомъ дѣлѣ принимало участіе, какъ мы видимъ, само общество, безъ всякихъ приглашеній со стороны, слѣдовательно оно разумно сознало необходимость того, что дѣлало. Но было бы любопытно знать, въ какой степени приняли участіе въ этомъ дѣлѣ купечество и духовенство?

Въ то самое время, какъ въ Екатеринославѣ состоялся проектъ женской гимназіи, — на выборахъ Херсонскаго дворянства положено было стараться объ учрежденіи женскихъ училищъ въ городахъ Херсонской губерніи. Между прочимъ, эти выборы замѣчательны еще тѣмъ, что во время засѣданій дворянскаго собранія было обсуждаемо нѣсколько другихъ вопросовъ, касающихся образованія, такъ напримѣръ: объ ассигнованіи ежегодно 6000 руб. серебр. на усиленіе камеральнаго отдѣленія Одесскаго лицея; о предположеніи открыть въ г. Кременчугѣ гимназію и о мѣрахъ къ скорѣйшему началу постройки зданія для Херсонской губернской гимназіи...

Въ слѣдующемъ 1860 году, 21 августа — была открыта женская гимназія въ Харьковѣ. Для устройства гимназіи въ этомъ городѣ, было собрано до 15 тысячъ рублей серебромъ. Гимназія по-

мѣстилась въ домѣ купца Павлова, которому за наемъ помѣщенія платить 1000 р. ср.; учителя согласились давать уроки безъ платы,—а съ ученицъ положена плата отъ 25 до 50 р., смотря по числу предметовъ, которымъ онѣ обучаются.

26 августа, того же года, было открыто женское училище 1-го разряда въ Потавѣ; это училище обязано своимъ существованіемъ благороднымъ усиліямъ учителей гимназій и кадетскаго корпуса, которые, послѣ долгихъ хлопотъ, успѣли организовать силы для его поддержанія и сами взяли на себя безмездное преподаваніе впродолженіи 7-ми лѣтъ. Безъ всякаго предварительнаго сбора — какъ это было при открытіи гимназій въ другихъ городахъ, — Полтавское женское училище поддерживается суммами, получаемыми за концерты, публичныя лекціи, спектакли и т. п.;—такъ въ пользу этого училища читали публичныя лекціи: въ декабрь 1860 года, Г. В. Котельниковъ,—въ январѣ 1861 года, К. В. Ковальскій и М. В. Кизимовскій,—всего сбора было 580 р.; кромѣ того, въ 1861 году, въ пользу училища поступили: сборъ за спектакли, устроенные А. М. Абазою—1554 р. серебромъ.; за лотерею 180 р., отъ г. Дмитріева—Свѣчина половинный сборъ за 2 концерта—30 р. и проч. Преподавателей въ Полтавскомъ женскомъ училищѣ 36,—изъ нихъ только двое получаютъ плату: учитель танцевъ и одна изъ учительницъ музыки; классныхъ дамъ при заведеніи 35; изъ нихъ три получаютъ плату по 150 р. ср. каждая. Плату съ воспитанницъ положено было взимать умѣренную: по 10 р. ср., и то съ *состоятельныхъ*. Училище было открыто въ августѣ 1860 года, а къ январю 1861 года — въ немъ было 190 воспитанницъ, число, сравнительно съ другими городами, напри- мѣръ съ Харьковомъ,—гдѣ при открытіи училища было только 30 воспитанницъ, а черезъ мѣсяць 50 (*),—довольно значительное. Открытіе Полтавскаго училища, его существованіе при незначительныхъ средствахъ, значительное число воспитанницъ, большое число бесплатныхъ учителей показываютъ, что въ Полтавскомъ обществѣ есть сочувствіе къ дѣлу образованія (²).

Достойна особеннаго вниманія исторія женской школы въ г. Сумахъ (Харьк. губ.), о которой было первоначально сообщено въ Моск. Вѣдомостяхъ. Мы заимствуемъ рассказъ объ этомъ изъ «Современной Лѣтописи «Русскаго Вѣстника». «Въ началѣ 1859 г., губер-

(¹) Кіевск. Телегр. 1860 г., № 67.

(²) См. статью объ этой гимназій, въ январской книжкѣ Основы.

ское начальство предложило думѣ города Сумъ, позаботиться объ учрежденіи въ Сумахъ женскаго училища, на что общество выразило полную готовность; приговоромъ своимъ оно опредѣлило вносить ежегодно, въ теченіи пяти лѣтъ, на содержаніе этого училища съ купеческихъ капиталовъ 1-й гильдіи по 15 р., 2-й по 10 р., 3-й по 3 р.; мѣщане и цеховые съ каждой ревизской души должны вносить первые по 7, а вторые по 5 к. Дворяне не приняли участія въ этомъ сборѣ, который составилъ однако же около 500 р. Кромѣ того, общество выбрало изъ среды своей почетнаго блюстителя, для предполагаемаго училища, который обязался жертвовать ежегодно, въ пособіе этому училищу, по 400 р. Независимо отъ этого, была составлена подписка для единовременныхъ пособій, по которой было собрано до 1000 р. Предполагая при этомъ плату съ учащихся отъ 10 до 15 р., общество изъ предварительно составленной смѣты увидѣло, что училище обезпечено по крайней мѣрѣ на пять лѣтъ, а потому просило думу утвердить составленный имъ приговоръ и разрѣшить открытіе въ Сумахъ женскаго общественнаго училища на основаніяхъ, изложенныхъ въ представленномъ имъ проектѣ, котораго особенность состоитъ въ томъ, что хозяйственная часть подчинялась думѣ и, кромѣ того, нѣкоторые предметы положено проходить въ уменьшенномъ размѣрѣ противъ уѣздныхъ училищъ. При этомъ общество выразило желаніе имѣть начальницею училища указанное имъ лицо. Прошло полтора года, а дѣло не подвигалось впередъ, и городъ Сумы оставался безъ училища, на учрежденіе котораго готовъ былъ принести всѣ нужныя жертвы. Вдругъ, въ іюль 1860 г., предводитель дворянства получаетъ отъ губернскаго начальства предложеніе открыть попечительный совѣтъ женскаго училища, выбрать начальницу и приступить къ открытію самого училища. Это предложеніе не упоминало ни словомъ о проектѣ, который былъ составленъ обществомъ, тогда какъ общество выразило желаніе открыть училище только на основаніяхъ, изложенныхъ въ проектѣ. По положенію о женскихъ училищахъ, вышедшему уже послѣ начала этого дѣла, училищемъ управляетъ попечительный совѣтъ, въ которомъ въ числѣ членовъ состоитъ предводитель дворянства и два депутата отъ дворянъ. Но такъ-какъ дворяне не приняли участія въ содержаніи училища, а между тѣмъ должны участвовать въ управленіи его, то градской голова допесъ, что безъ согласія общества онъ не приступитъ къ открытію училища на новомъ основаніи, и просилъ дозволить ему вновь собрать общество для обуз-

денія сего дѣла. Полгода прошло въ ожиданіи этого дозволенія. Наконецъ, общество было собрано и отказалось передать свои пожертвованія въ распоряженіе лицъ, незахотѣвшихъ участвовать въ ихъ дѣлѣ. Такимъ образомъ учрежденіе сумскаго женскаго училища кончилось ничѣмъ, несмотря на полную готовность общества содѣйствовать ему словомъ и дѣломъ». Пусть читатель самъ судить, могутъ ли, такимъ образомъ, идти успѣшно общественныя дѣла.

Въ этотъ же періодъ времени было задумано открытіе училищъ для дѣвицъ духовнаго званія.

Изъ мѣстныхъ періодическихъ изданій мы узнаемъ только два факта объ открытіи училищъ этого рода. Въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» 1860 года № 88, подъ рубрикою «мѣстныя извѣстія» читаемъ: «Мы слышали за достоверное, что въ Кіевѣ, въ непродолжительномъ времени, будетъ учреждено особое учебное заведеніе для воспитанія дѣвицъ духовнаго званія. Говорятъ, что теперь разсматривается духовнымъ вѣдомствомъ проектъ по этому предмету. Для новаго училища предполагаютъ употребить домъ на Кловѣ, въ которомъ помѣщалась прежде первая гимназія, и который, года три тому назадъ, сильно пострадалъ отъ бывшаго въ Липкахъ большаго пожара.» Далѣе, тамъ же: «мы готовы даже напередъ предсказать новому училищу полный успѣхъ, если только оно, соотвѣтственно духу времени, не будетъ вполнѣ закрытое, т. е. если будутъ допущены въ него приходящія ученицы. Этимъ могутъ быть хотя отчасти устранены тѣ недостатки, которые давно уже замѣчены въ заведеніяхъ закрытыхъ. До пріисканія удобнаго помѣщенія, собранныя ученицы, какъ говорятъ, *будутъ временно помѣщены въ Кіево-Фроловскомъ женскомъ монастырѣ на Подолѣ.*» Къ сожалѣнію, дальнѣйшая судьба этого училища неизвѣстна. Ужели до сихъ поръ продолжается разсмотрѣніе проекта?

По поводу открытія женскаго духовнаго училища при Лебедянскомъ монастырѣ, въ № 1-мъ журнала «Руководство для сельскихъ пастырей», за 1860 г., появилась статья, въ которой говорилось о необходимости завести подобное училище и въ Кіевѣ и между прочимъ былъ высказанъ взглядъ на воспитаніе женщинъ духовнаго званія,—взглядъ замѣчательно странный: авторъ находилъ, что для дѣвицъ духовнаго званія необходимо *особое* училище, на томъ основаніи, что въ свѣтскихъ пансіонахъ въ воспитаніе не входитъ мысль—приготовленія дѣвушекъ на *религіозное служеніе народу*, которое необходимо въ особенности для женщинъ духовнаго званія, въ воспитаніи ко-

торыхъ церковная обрядность должна быть главнымъ. На эту статью, въ № 54-мъ «Кіевск. Телеграфа» 1860 г., было помѣшено возраженіе подъ заглавіемъ: «Мысли сельскаго священника.» Возражатель, вполне соглашаясь съ мыслию о необходимости образованія для женщинъ духовнаго званія, справедливо утверждалъ, что открытіе подобныхъ сословныхъ училищъ рѣшительно не имѣетъ въ основаніи насущной потребности... «Развѣ,» спрашиваетъ авторъ возраженія, «по городамъ и мѣстечкамъ мало училищъ и пансіоновъ, гдѣ могутъ воспитываться и дочери священниковъ? Неужели всѣ эти училища учреждены и основаны на иныхъ началахъ? Развѣ разныя училища могутъ и должны имѣть разныя начала своихъ основныхъ цѣлей? Развѣ всякая мать въ обществѣ христіанскомъ не одно и то же, что жена священника и мать его дѣтей? Развѣ дочь священника нужно воспитывать и образовать только для того, чтобы она была женою священника?» Эти дѣльныя мысли встрѣчены были въ томъ же «Руководствѣ для сельскихъ пастырей», въ свою очередь, возраженіемъ. Авторъ возраженія, священникъ Крамаренковъ, доказывалъ необходимость особыхъ женскихъ училищъ на томъ основаніи, что для купечества есть коммерческія училища, для будущихъ воиновъ—кадетскіе корпуса, для медиковъ—медицинскій факультетъ,... Ergo—для дочерей священниковъ тоже что—нибудь особенное нужно... «Согласитесь,» говоритъ авторъ убѣдительно: «вѣдь нельзя же воспитывать всѣхъ *безъ различія званій* въ одномъ училищѣ».

Говоря объ учрежденіи обществомъ южнаго края женскихъ училищъ, нельзя не обратить вниманія на одно поразительное явленіе,—на разъединеніе сословій при осуществленіи этого важнаго дѣла, неоставшееся безъ вліянія на ходъ его. Дворане, привыкшіе воспитывать своихъ дочерей въ благородныхъ пансіонахъ, показали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непостижимое равнодушіе къ женскимъ гимназіямъ. Купечество, сочувствовавшее этому дѣлу, бралось за него медленно, разсуждая такъ: «мы и готовы жертвовать на учрежденіе женской гимназіи, но чтожь, если управленіе ея перейдетъ въ чужія руки? если люди, показавшіе полное равнодушіе къ этому дѣлу, станутъ первые пользоваться плодами его?» Нѣкоторые изъ духовныхъ серьезно доказывали, что необходимо учредить *отдѣльныя* женскія школы для дѣвицъ духовнаго званія. Всѣ эти факты—грустные послѣдствія вѣковаго раздѣленія сословій. Со времени рѣшительнаго, крутого поворота въ жизни Украинской (съ XVIII столѣтія), мало-по-малу

общественные интересы замѣнились интересами дворянскими, купеческими, мѣщанскими, духовнаго сословія. Каждое сословіе имѣло и имѣетъ свое особое управленіе. Отсюда происходитъ апатія нашего общества къ мѣстному устройству, безсиліе его предпріятій въ дѣлѣ улучшения своего быта. Нельзя сказать, чтобы у насъ не было людей мыслящихъ и желающихъ быть полезными обществу; но до сихъ поръ наши силы раздроблены, парализованы отсутствіемъ общественнаго сознанія важности громадскаго дѣла. Всѣ преобразованія совершались правительственнымъ путемъ и, не находя крѣпкой почвы въ обществѣ, оставались почти безъ дѣйствія, на бумагѣ.

Переходимъ къ другому рода училищамъ,—воскреснымъ школамъ, которыя обязаны своимъ существованіемъ обществу. Воскресныя школы получили свое начало на югѣ, въ Украинѣ, быстро распространились и встрѣтили повсемѣстно горячее сочувствіе, какъ въ образованномъ обществѣ, такъ и въ массѣ народа.

Мысль объ этихъ, въ высшей степени полезныхъ для образованія, преимущественно ремесленнаго класса, школахъ возникла въ 1859 году въ Кіевѣ, въ средѣ университета св. Владиміра и принадлежала извѣстному профессору, благородному дѣятелю на поприщѣ народнаго образованія, Платону Васильевичу Павлову. Едва возникнувъ, она немедленно была приведена студентами въ исполненіе подъ руководствомъ профессора. Насколько въ этой мысли угадана народная потребность и насколько удачно она примѣнена къ жизни, доказывается сочувствіемъ тѣхъ, для кого школы были заведены. Значительное число являющихся въ школы по праздникамъ, послѣ тяжелаго недѣльнаго труда, говоритъ краснорѣчивѣе всевозможныхъ разсужденій о ихъ пользѣ и необходимости. Въ свою очередь, пожертвованія и постоянно значительное число желающихъ преподавать, говоритъ о степени симпатіи къ школамъ образованнаго общества, преимущественно въ лицѣ своихъ молодыхъ представителей. И хотя, какъ увидимъ далѣе, при столкновеніи преподавателей воскресныхъ школъ съ нѣкоторыми лицами, случалось видѣть странные, уродливые факты, но они исчезали въ массѣ утѣшительныхъ явленій.

Первое извѣстіе о воскресныхъ школахъ встрѣчаемъ въ Кіев. Тел. 23 сентября 1859 года; въ отдѣлѣ «внутреннихъ извѣстій» напечатано: «Мы слышали, что въ Кіевѣ скоро будутъ учреждены, съ разрѣшенія начальства, воскресныя школы во всѣхъ частяхъ города, для мастеровыхъ мальчиковъ и вообще неграмотныхъ людей, неимѣ-

ющихъ времени, въ продолженіи недѣли, заняться чтеніемъ и письмомъ».

Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года, 17 человекъ студентовъ университета и 1 студентъ духовной академіи получили разрѣшеніе отъ попечителя Кіевского Учебнаго Округа (г. Пирогова) на открытіе первой воскресной школы, въ части города, называемой Подоломъ, въ дворянскомъ училищѣ. Школа была открыта 11 октября 1859 года; желавшіе поступить въ школу должны были предварительно записываться у штатнаго смотрителя дворянскаго училища, г. Слѣпушкина, или у профессора университета, г. Павлова, которымъ и былъ порученъ надзоръ за ходомъ преподаванія. Школа, сообразно знанію поступающихъ въ нее, была раздѣлена на два класса, высшій и низшій. Низшій раздѣлялся въ свою очередь на два отдѣленія: въ первое поступали совершенно неграмотные, во второе—кое—какъ разбиравшіе буквы и усвоившіе механизмъ чтенія; высшій классъ былъ назначенъ для тѣхъ, которые уже читали достаточно бѣгло.

Вслѣдъ за школою на Подолѣ, другимъ обществомъ студентовъ, 25 октября, была открыта новая воскресная школа въ части города называемой Новымъ-Стросніемъ, (гдѣ находится университетъ). Эта школа учреждена была на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Подольская; надзоръ за ходомъ преподаванія въ ней былъ порученъ смотрителю, г. Проценку, вмѣстѣ съ профессоромъ г. Павловымъ. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ, были открыты двѣ школы и притомъ съ самыми незначительными средствами. О ходѣ ученія въ этихъ двухъ школахъ, также о числѣ учащихся и средствахъ, которыми школы существовали въ первое время, мы узнаемъ изъ отчетовъ, которые печатались въ мѣстной газетѣ. Такъ изъ отчета за первое время существованія Кіево-Подольской воскресной школы (*), мы видимъ, что въ день ея открытія пришло учиться до 50 человекъ. Затѣмъ это число возрастало и доходило до 110 и болѣе. Но, какъ во всякомъ дѣлѣ, такъ и здѣсь, между людьми, истинно чувствовавшими потребность образованія, были и такіе, которыхъ занимала болѣе новостъ учрежденія. Вслѣдствіе этой и другихъ причинъ, лежащихъ внѣ школы, одніе понемногу отставали,—зато школа наполнялась другими, такъ, что постоянный численный составъ учащихся подвергался незначительнымъ колебані-

(*) Кіевск. Тел. 1860 г. № 17.

ямъ. Послѣ сдѣланнаго строгаго пересмотра пріемной тетради оказалось, что число записанныхъ и болѣе или менѣе постоянно посѣщающихъ школу доходить до 101 человѣка. Въ дѣйствительности же еженедѣльно бываетъ въ классахъ отъ 67 до 80 человѣкъ». Записанные въ пріемную книгу ученики распредѣлялись, по національности, слѣдующимъ образомъ: Малороссіяны 75; Великороссіяны 17; Поляковъ 3; Евреевъ 3 и Нѣмцевъ тоже 3. «Самое большее число, какъ слѣдовало ожидать, остается за жителями южно-русскихъ губерній. Слѣдовательно, элементъ мѣстный—главный въ школѣ. Чтò касается распредѣленія учениковъ по сословіямъ, то изъ 101 человѣка, 76 принадлежало ремесленному классу,—только 5 человѣкъ лакеевъ, а 20 человѣкъ болѣею частію дѣти, которыхъ занятія еще не опредѣлились. Изъ этого же отчета узнаемъ, что въ числѣ учащихся было 5 человѣкъ дворянъ, 5 купцовъ и 4 однодворца. Слѣдовательно, воскресныя школы могутъ быть полезны не для одного только *простаго* народа. Относительно возраста учащихся, изъ отчета видно, что «всего охотнѣе посѣщаютъ школу отъ 10—15 и отъ 16 до 20 лѣтъ (первыхъ 53, а вторыхъ 36), возрастъ, въ который непритупившаяся воспріимчивость особенно содѣйствуетъ успѣшному ходу обученія». «Всякая новая мѣра, всякое улучшеніе обсуживались предварительно въ педагогическомъ совѣтѣ, въ присутствіи штатнаго смотрителя дворянскаго училища, Слѣпушкина. «Учащіеся были снабжаемы въ школѣ всѣми необходимыми пособіями, т. е. книгами, бумагой, аспидными досками, перьями и т. п.» Средства существованія школы доставлялись пожертвованіями; «самымъ дѣятельнымъ участникомъ и ревностнымъ собирателемъ матеріальныхъ средствъ былъ г. Дехтеревъ. Пожертвованной суммы для всѣхъ трехъ школъ (въ то время, когда составлялся этотъ отчетъ, въ Кіевѣ было уже три школы, какъ увидимъ далѣе) было всего 230 руб. 55 коп. Изъ этой суммы издержано на учебныя пособія 136 руб. 78 к. и затѣмъ въ наличности осталось 93 р. 77 к. Само собою разумѣется, что эти средства не велики и что прочное существованіе школъ требуетъ и прочнаго фонда. Весьма важно въ этомъ отношеніи было бы дозволеніе публичной подписки въ пользу воскресныхъ школъ.» Выраженное въ этомъ отчетѣ желаніе исполнилось: въ № 51 «Кіевск. Телегр.» 10 іюля, было напечатано: «Для пріобрѣтенія необходимыхъ учебныхъ пособій, которыя должны быть безмездно раздаваемы учащимся, генералъ-губернаторъ, князь Ил. Ил. Васильчиковъ, исходатайствовалъ разрѣ-

шеніе у министра внутр. дѣлъ на принятіе добровольныхъ пожертвованій, съ соблюденіемъ установленныхъ, въ ст. 298 и 299 Уст. Общ. Призр., условий. Пожертвованія принимаются деньгами и книгами, также періодическими изданіями. Кромѣ этого, въ пользу кіевскихъ воскресныхъ школъ разрѣшено отпускать изъ доходовъ г. Кіева по 150 р. с. въ годъ; сумма небольшая, но постоянно обезпеченная.—Конечно, отъ общества надо ждать многого; къ сожалѣнію, мы не имѣемъ положительныхъ извѣстій, какъ воспользовалось оно разрѣшеніемъ дѣлать пожертвованія въ пользу школъ. Впрочемъ, пожертвованія книгами для Подольской школы были еще въ началѣ 1860 года, и въ февралѣ начала составляться, разумѣется очень небольшая, бібліотека.

Открытая, велѣдъ за Подольскою, Ново-строенская школа тоже напечатала свой отчетъ, изъ котораго мы представимъ здѣсь небольшія извлеченія: «Въ день открытія школы поступило 34 человѣка. Количество это возрастало съ каждымъ днемъ, такъ—что въ началѣ марта 1860 года число записавшихся простиралось до 148. Цифра эта подвергалась безпрестаннымъ колебаніямъ. Число дѣйствительно посѣщающихъ школу не превышало 60.» Изъ таблицы, приложенной при отчетѣ Подольской школы, видно, что и въ этой школѣ преобладающее число осталось за Малороссами, которыхъ было 121 человѣкъ, между—тѣмъ какъ число учащихся другихъ національностей выражалось слѣдующими цифрами: Великороссовъ 21, Поляковъ 5 и Пѣмцевъ 1. Отличіе отъ Подольской школы, какъ говорится въ отчетѣ, состояло въ томъ, что тамъ преобладающее число мѣщанъ, а здѣсь—наоборотъ: количество крестьянъ почти въ два съ половиною раза больше количества мѣщанъ. Это объясняется, по словамъ отчета, тѣмъ, что Новое-Строеніе и ближайшая къ нему часть города—Крещатики имѣютъ наибольшее число мастерскихъ, въ которыхъ мастера—по большей части—крестьяне, отданные помѣщикамъ *въ выучку*; однимъ словомъ, это различіе имѣетъ чисто мѣстное значеніе. Результаты обученія въ обѣихъ школахъ были значительны; по обоимъ отчетамъ видно, что ученики въ нѣсколько уроковъ успѣвали усваивать основательно то, что въ прочихъ, регламентированныхъ, школахъ обыкновенно плохо усваивается въ четверо—большій срокъ. Что значать—съ одной стороны—свободное желаніе учиться, а съ другой—нестѣсняемое, рабски и педантически выполняемыми программами, преподаваніе. Будемъ продолжать обзоръ открытія воскресныхъ школъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ концѣ того же 1859 года было предположено открыть женскую воскресную школу, такъ—какъ успѣхъ мужскихъ воскресныхъ школъ указалъ очень ясно на сильно сознаваемую простыми классами народа потребность учиться грамотѣ. Г-жа Нельговская и классныя дамы ея пансіона, «желая, по возможности, удовлетворить этому стремленію и принимая во вниманіе, что для дѣвочекъ еще нѣтъ никакого заведенія, гдѣ бы недостаточныя изъ нихъ могли получать образованіе ⁽¹⁾», рѣшились открыть, съ дозволенія начальства, воскресную женскую школу, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ были открыты мужскія. Школа была открыта черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ была задумана, именно 31 января 1860 года и помѣстилась въ зданіи 2-ой гимназіи. Учебныя пособія для учащихся положено было выдавать бесплатно.

Въ декабрѣ 1859 же года, по примѣру Кіева, были открыты разомъ четыре воскресныя школы въ Могилевѣ.

Начало 1860 г. было не слишкомъ благопріятно для воскресныхъ школъ, — по крайней мѣрѣ въ это время почти не было извѣстій объ ихъ открытіи; только въ началѣ мая была открыта воскресная школа въ Нѣжинѣ, въ которой изъявили желаніе преподавать студенты Нѣжинскаго лицея. О характерѣ, средствахъ этой школы и результатахъ ученія въ ней, мы ничего не можемъ сказать; знаемъ только, что она есть явленіе благотворной дѣятельности П. В. Павлова, который, проѣздомъ черезъ Нѣжинъ, подалъ молодымъ людямъ мысль—завести у себя такого рода школу. Около этого же времени, т. е. въ концѣ мая, учреждена воскресная школа въ Житомирѣ, открытію которой кажется плохо симпатизировало общество. Подобный фактъ можно объяснить только мѣстными причинами; впрочемъ въ немъ нашлись люди и сочувствующіе: такъ, г. Спиглазовъ пожертвовалъ сумму на покупку необходимыхъ книгъ.

Впродолженіи всего лѣта 1860 г. не было открыто ни одной воскресной школы. Затѣмъ, въ № 80 *Кіевского Телеграфа*, мы читаемъ: «Съ ноября мѣсяца, студенты Кіевской Духовной Академіи намѣрены открыть въ своихъ аудиторіяхъ бесплатную *будничную* школу. Точное распредѣленіе времени и программа занятій будутъ объявлены особо.» Но въ ноябрѣ мѣсяцѣ ни *точного распредѣленія времени*, ни программы занятій не было объявлено; поэтому мож-

(1) Кіевск. Тел. 1859 года № 52.

но заключить, что школа не была открыта. Нельзя не сожалѣть, что такое полезное дѣло, какъ учрежденіе будничной школы, не состоялось. Думаемъ, что въ этомъ нельзя винить студентовъ академіи; вѣроятно, они встрѣтили дѣйствительное препятствіе.

Студенты университета св. Владиміра продолжали и въ 1860 году свою дѣятельность по открытію воскресныхъ школъ. Они открыли, въ концѣ октября, школу въ части города, называемой Печерскомъ, и въ то же время предположили открыть еще школу на Новомъ-Строеніи. Кіевскіе гимназисты въ свою очередь тоже принесли посильную дань полезному дѣлу:—въ «Кіевск. Телегр.» 1860 г. № 86 отъ 10 ноября, помѣщено слѣдующее извѣстіе: «Въ первой Кіевской гимназіи уже около мѣсяца существуетъ воскресная школа, учрежденная по желанію гимназистовъ. Сначала, какъ говорятъ, былъ сдѣланъ опытъ надъ обученіемъ гимназической прислуги, а потомъ допущены и приходящіе извнѣ. Теперь уже приходящихъ бываетъ, говорятъ, человѣкъ до 60; впрочемъ, самая школа не открыта еще такъ—сказать официально, т. е. еще не сдѣлано о ней надлежащихъ объявленій». По поводу этой школы, въ той же газетѣ выражено слѣдующее мнѣніе: «Намъ кажется даже, что при всякомъ высшемъ и среднемъ учебномъ заведеніи непременно должна быть воскресная школа. Отъ этого выгода можетъ быть двоякая: и для учащихся и для учащихся.»

6 Ноября 1860 г. была открыта женская воскресная школа, — помѣстившаяся въ домѣ женской Фундуклеевской гимназіи. Открыли ее дамы. Эту школу предположено было открыть гораздо раньше и все уже было приготовлено, но учредительницы *не рѣшались* выступить въ роляхъ общественныхъ дѣятелей.... Въ это же самое время—тоже дамы, преимущественно изъ купеческаго сословія, задумали открыть женскую воскресную школу на Подолѣ—и то же отсутствіе *рѣшимости* долго мѣшало дѣлу.... Наконецъ школы были открыты.

Въ этомъ же году были открыты воскресныя школы въ Харьковѣ, но развитію ихъ, кажется, сначала что-то мѣшало; вообще о харьковскихъ воскресныхъ школахъ было мало писано. Между тѣмъ, отъ Харькова, университетскаго и торговаго города, можно, повидимому, ожидать многого.

Въ Полтавской губерніи воскресныя школы были учреждены въ слѣдующихъ городахъ: въ Полтавѣ, — учащихся 169; въ Кременчугѣ—двѣ, мужская и женская, по 40 учащихся въ каждой; въ Пе-

реяславль—учащихся 116; въ Золотоношѣ,—гдѣ, по незначительности населенія учащихся, было только 13 и наконецъ—въ Лубнахъ. Какъ число учащихся, такъ и число самихъ школъ въ губерніи, подтверждаютъ наше мнѣніе о полтавскомъ обществѣ, высказанное по поводу открытія женской гимназіи въ г. Полтавѣ.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ исторіи воскресныхъ школъ въ настоящемъ 1861 году, остановимся на одномъ важномъ фактѣ въ жизни воскресныхъ школъ,—именно на изданныхъ въ 1860 г. «Правилахъ для воскресныхъ школъ», которыми должны были руководствоваться учредители воскресныхъ школъ, и послѣдовавшемъ въ 1861 году циркулярѣ, подтверждавшемъ и объяснявшемъ эти правила.

Правила эти раздѣляются на три части: въ первой излагаются общія положенія для воскресныхъ школъ:

«Воскресныя школы, для первоначальнаго образованія въ народѣ, могутъ быть учреждаемы какъ по желанію сословій, изъявленному установленнымъ порядкомъ, такъ и частными лицами съ разрѣшенія начальства учебнаго округа, по сношенію съ мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ. Воскресныя школы состоятъ въ вѣдѣніи директора училищъ и подъ непосредственнымъ надзоромъ штатныхъ смотрителей училищъ или другихъ лицъ учебнаго вѣдомства, назначаемыхъ начальствомъ округа. Часы для учебныхъ занятій опредѣляются по взаимному соглашенію между лицами, открывающими школу и директоромъ училищъ, *съ наблюденіемъ притомъ, чтобы классныя занятія начинались послѣ поздней обѣды и вообще не лишали учениковъ возможности исполнять религіозныя обязанности и не вредили ихъ физическому развитію* (§ 4). Въ воскресныя школы принимаются лица всѣхъ возрастовъ; но школы для мужчинъ должны быть помѣщаемы отдѣльно отъ школъ для дѣвицъ (§ 7).»

Во второй части правилъ—изложены основанія, которыми должны руководствоваться преподаватели, «По курсу и объему ученія, воскресныя школы относятся къ одному разряду съ приходскими училищами вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (§ 8).» «§ 9. Въ воскресныхъ школахъ преподаются: 1) Законъ Божій, 2) чтеніе и письмо на русскомъ языкѣ, 3) арифметика и 4) по мѣрѣ надобности, рисованіе и черченіе. § 10. Обученіе Закону Божию производится священно—служителями и, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, воспитанниками духовныхъ академій и семинарій. Учащимся должны быть объясняемы важнѣйшія молитвы, краткая священная

исторія, краткій катехизисъ, воскресныя евангелія, значеніе праздни-
ковъ православной церкви и обрядовъ богослуженія. При преподаваніи
Закона Божія, вниманіе законоучителя должно быть преимущественно
обращено на объясненіе нравственнаго значенія излагаемыхъ фактовъ, на
развитіе религіознаго чувства учащихся и смягченіе нравовъ. § 11. Чте-
ніе не слѣдуетъ ограничивать одними книгами гражданской печати;
полезно знакомить учащихся и съ чтеніемъ рукописей, а учениковъ
православнаго исповѣданія *и съ церковно-славянскою печатью*.
§ 12. Преподаваніе арифметики должно быть чисто практическое, раз-
вивающее соображеніе учащихся и заключающееся преимущественно
въ рѣшеніи задачъ, взятыхъ изъ быта близкаго къ учащимся. § 13
Рисованіе и черченіе, по самому существу воскресныхъ школъ, долж-
ны быть преимущественно примѣнены къ ремесламъ. Относительно
книгъ,—въ § 14 сказано, что въ воскресныхъ школахъ, должны
употребляться только тѣ книги, которые признаны начальствомъ Окру-
га полезными для приходскихъ училищъ.

Въ третьей части «Правилъ» говорится о средствахъ содержанія и
о помѣщеніи училищъ. «Воскресныя школы содержатся или на счетъ
общественныхъ суммъ, ассигнуемыхъ приговорами сословій, по установ-
ленію, или на счетъ частныхъ учредителей. Къ предметамъ содержанія
относятся снабженіе учащихся учебными пособиями, отопленіе школъ и
плата нижнимъ служителямъ. *Эти издержки ни въ какомъ случаѣ
не должны падать на училищное вѣдомство.* (§ 16). Помѣщенія
для воскресныхъ школъ могутъ быть отводимы бесплатно или въ здані-
яхъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству народнаго
просвѣщенія, или въ казенныхъ зданіяхъ другихъ вѣдомствъ, съ разрѣ-
шенія ихъ начальства. На помѣщеніе же воскресныхъ школъ въ зда-
ніяхъ, принадлежащихъ военному вѣдомству, должно быть испраши-
ваемо Высочайшее соизволеніе Его Императорскаго Величества (§ 17).

Спустя нѣкоторое время послѣ изданія этихъ правилъ, началь-
ство сочло нужнымъ объяснить ихъ точнѣе, дабы не могло быть ни-
какихъ недоразумѣній и особенно «уклоненія столь полезныхъ для на-
роднаго образованія заведеній отъ прямого пути, указываемаго имъ
самымъ ихъ назначеніемъ ⁽¹⁾». Для этого, въ 1861 году, былъ изданъ
циркуляръ, въ которомъ пояснялось, что воскресныя школы должны
служить *только пособіемъ приходскимъ училищамъ* и препору-

(1) Циркуляръ по управленію С.-Петербургскимъ Учебнымъ Округомъ.

чалось мѣстному начальству не упускать изъ виду такое ихъ назначеніе и заботливо слѣдить за тѣмъ, чтобы воскресныя школы не выступали изъ границъ опредѣленнаго имъ круга дѣйствій. Циркуляръ былъ изданъ потому, что изъ полученныхъ свѣдѣній министерство усмотрѣло, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ говорится въ циркулярѣ по управленію С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ, — усердіе учредителей или распорядителей школъ иногда увлекаетъ ихъ далѣе границъ, указанныхъ школамъ ихъ назначеніемъ. Такъ напримѣръ, въ Кіевѣ въ одной школѣ преподавалась исторія, а въ одной изъ Московскихъ школъ преподаватели занимались съ учениками французскимъ и нѣмецкимъ языками.

Новыя правила, поясняющія прежнія, были слѣдующія: 1) обученіе въ воскресныхъ школахъ ограничивается Закономъ Божиимъ, чтеніемъ и письмомъ на русскомъ языкѣ, первыми началами ариметики, рисованіемъ и линейнымъ черченіемъ, гдѣ потребуетъ мѣстная необходимость. *Преподаваніе предметовъ, не входящихъ въ программу обученія въ приходскихъ училищахъ, отнюдь не допускается въ воскресныхъ школахъ.* 2) При преподаваніи поименованныхъ выше предметовъ въ воскресныхъ школахъ употребляются тѣ учебныя руководства и пособія, которыя одобрены министерствомъ народнаго просвѣщенія или допущены къ употребленію въ начальныхъ училищахъ другихъ вѣдомствъ. 3) Особенное вниманіе должно быть обращено на то, чтобы учредители и распорядители воскресныхъ школъ *были люди вполне благонадежныя*; а потому, не ограничиваясь оффиціальною перепискою, директоры училищъ обязаны, въ случаѣ, если желающіе учредить школы лично имъ неизвѣстны, предварительно собирать объ нихъ точныя удостовѣренія и, затѣмъ, относительно допущенія ихъ къ открытію школъ или распоряженію въ нихъ, входить лично въ соглашеніе съ мѣстными гражданскими начальствами. 4) За ходомъ обученія въ воскресныхъ школахъ, должны, подъ главнымъ надзоромъ начальства Округа, имѣть постоянное наблюденіе штатные смотрители уѣздныхъ училищъ, директоры гимназій и другія лица, коимъ сіе будетъ отъ начальства поручено. 5) Въ случаѣ, если со стороны распорядителей или преподавателей замѣчены будутъ дѣйствія, несогласныя съ началами, указанными въ настоящемъ предложеніи, а тѣмъ болѣе направленіе, противное религіознымъ истинамъ, государственному управленію и правиламъ нравственности, таковыя неблагонадежныя преподаватели или распорядители должны быть немед-

ленно отстраняемы и недопускаемы, затѣмъ къ обученію или распоряженію въ другихъ воскресныхъ школахъ. 6) Въ женскихъ воскресныхъ школахъ не должны быть допускаемы въ учредители и распорядители *молодые люди всякаго рода службы и званія*; но весьма желательно бы, чтобы таковыми были всегда лица женскаго пола.

О результатахъ, которые произошли отъ примѣненія этихъ правилъ къ руководству въ воскресныхъ школахъ, можно судить сравнивъ число преподавателей и учащихся въ школахъ — до и послѣ изданія правилъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ этихъ статистическихъ данныхъ. Изъ отчета Фундуклеевской воскресной школы въ Кіевѣ, который у насъ есть, мы ничего не можемъ заключить, потому что онъ составленъ только за первые два мѣсяца 1861 года; а позднѣйшихъ отчетовъ воскресныхъ школъ на югѣ мы не имѣемъ. Но о томъ, какого рода результаты могутъ принести эти правила въ примѣненіи къ воскреснымъ школамъ, вообще можно нѣсколько судить по «краткому отчету о Рогачевской воскресной школѣ за мартъ 1861 года ⁽¹⁾», въ которомъ читаемъ слѣдующее: «Всѣ вообще ученики, посѣщавшіе школу въ мартѣ мѣсяцѣ, были грамотны, и потому занимались больше письмомъ на русскомъ языкѣ и ариѳметикою; причемъ преподаватели вовсе не выходили изъ программы обученія въ приходскихъ училищахъ, строго придерживаясь правилъ для воскресныхъ школъ С.-Петербургскаго учебнаго округа и циркуляра по управленію того же округа. Несмотря на выгодное помѣщеніе въ домѣ, занимаемомъ уѣзднымъ училищемъ, достаточное число преподавателей, простирающееся до восьми, одинаковое всегда ихъ усердіе въ исполненіи своихъ обязанностей, надлежащую педагогическую обстановку и избытокъ даже средствъ къ успѣху обученія въ школѣ, все-таки *число учениковъ въ ней, въ послѣднее время*, уменьшилось въ четыре раза. Не мѣсто здѣсь говорить о причинѣ столь прискорбнаго для насъ явленія; остается только просить высшее начальство объ измѣненіи нѣкоторыхъ пунктовъ вышесказанныхъ правилъ, насколько это возможно, по мѣстнымъ причинамъ, особенно относительно часовъ обученія; потому что ученики наши, послѣ поздней обѣдни, обыкновенно бываютъ заняты дома исполненіемъ разныхъ хозяйственныхъ надобностей, преимущественно же въ теплое время года; *да притомъ не довольствуются однимъ лишь чтеніемъ и письмомъ на русскомъ языкѣ, равно какъ первыми началами ариѳметики.*

(1) Могил. Губ. Вѣд. 1861 года.

Въ 1861 году, сочувствіе общества къ воскреснымъ школамъ не ослабѣвало, а напротивъ возрастало болѣе и болѣе, разумѣется—не всего, а у образованныхъ его представителей,—и школы продолжали открываться несмотря на нѣкоторыя неблагопріятныя обстоятельства; притомъ появились не однѣ воскресныя но и будничныя бесплатныя школы. Подобная школа была открыта въ г. Новомиргородѣ Херсонской губерніи. Изъ воскресныхъ была открыта школа въ Сергѣевѣ, Бессарабской области, существованіе которой, на весь настоящій годъ, обезпечилъ тамошній исправникъ г. Лазо; другая воскресная школа Бессарабской области, — женская, открытая въ Кишиневѣ, преобразилась въ постоянную женскую школу и, въ началѣ 1861 года, въ ней было уже 180 ученицъ.

Въ Черниговской губерніи были открыты школы въ гг. Черниговѣ и Новгородѣ-Сверѣ; въ послѣдней, къ маю мѣсяцу, было 50 учениковъ; преподаваніемъ въ ней занимаются исключительно гимназисты подъ наблюденіемъ своихъ учителей. Въ этомъ же городѣ нѣсколько дамъ, — преимущественно жены учителей, — задумали открыть женскую воскресную школу въ самомъ скоромъ времени.

Оканчивая краткій отчетъ о воскресныхъ школахъ въ Украинѣ, мы видимъ, что онѣ, при значительной долѣ сочувствія образованныхъ членовъ общества, существовали довольно незначительными, по большей части, ничѣмъ необезпеченными, средствами. И въ настоящемъ году — также какъ и прежде, — онѣ поддерживались единственно пожертвованіями и сборами за благотворительные спектакли, концерты и т. п. Въ этомъ отношеніи, намъ кажется прекраснымъ предпріятіе студентовъ университета св. Владиміра, о которомъ помѣщено слѣдующее извѣстіе въ № 5 К. Т. 1861 года: «Студенты кіевскаго университета, заботясь о матеріальныхъ средствахъ воскресныхъ школъ, которымъ они положили начало, учредили музыкальные вечера по субботамъ (въ самое свободное время для всякаго). Эти вечера, имѣютъ два весьма важныя значенія: 1) крайне умѣренной цѣною за входъ, 25 — 50 коп. ср., — они доставляютъ возможность эстетическаго наслажденія людямъ, лишеннымъ возможности слушать дорогіе концерты, и 2) приобрѣтаютъ воскреснымъ школамъ существенное пособіе, безъ всякихъ вымогательныхъ мѣръ, въ родѣ раздачи билетовъ чрезъ полицію, — какъ это водится въ нѣкоторыхъ филантропическихъ обществахъ, неразборчивыхъ въ дѣлѣ способовъ благотворенія». Кромѣ того, въ началѣ года, въ Кіевѣ дано было лю-

бителями два спектакля въ пользу воскресныхъ школъ,—было собрано довольно, несмотря на то, что директоръ театра, *Борковский* *взялъ съ воскресныхъ школъ за два представленія—600 руб. серебр.!* Вѣроятно кievскія воскресныя школы, на ряду съ именами благотворителей, не забудутъ и почтеннаго г. Борковского. Изъ отчета женской воскресной школы въ Кіевѣ при Фундуклеевской гимназій, —о которомъ мы говорили выше,—мы узнаемъ, что ея матеріальныя средства за 4 мѣсяца существованія (отъ Ноября 1860 по Мартъ 1861 г.) заключались въ 132 р. 85 к., которыя составились: изъ суммы ассигнованной кievской городской думой на воскресныя школы (15 р.); части общаго сбора пожертвованій (64 р.), изъ 25 рублей, пожертвованныхъ княгиней В. Голицинной, части изъ половинной суммы, собранной за спектакль, данный г-жею Нельговскою, и за концертъ и живыя картины, данныя кн. Васильчиковой въ пользу воскресныхъ школъ и студенческой лекторіи (28 р. 85 к.). На учебныя пособія было издержано 65 р. 40 к. Въ отчетѣ сказано, что оставшейся суммы достаточно для обезпеченія существованія школы *на годъ* и прибавлено: «Смѣемъ надѣяться, что и нравственное существованіе нашей школы будетъ поддерживаться, какъ преподавательницами, такъ и сочувствіемъ публики къ образованію народа. Желательно-бъ имѣть большее число преподавательницъ; къ сожалѣнію мы должны сказать, что *на многія приглашенія къ участію отвѣты получены отрицательные*». Чтобъ представить возможно-полную характеристику воскресныхъ школъ, дѣлаемъ изъ того же отчета слѣдующую, нѣсколько объясняющую причины непосѣщенія воскресныхъ школъ ремесленниками выписку: «Большая часть ученицъ живетъ у своихъ родителей, есть нѣсколько горничныхъ; замѣчательно, что изъ магазиновъ дамскихъ, гдѣ живутъ цѣлыя десятки дѣвушекъ, ученицъ очень мало, всего — 4; притомъ послѣднія, какъ и горничныя, рѣдко посѣщаютъ школу, (несмотря на ихъ желаніе посѣщать постоянно), потому что онѣ *бываютъ заняты работою и въ праздничные дни*».

Нѣтъ сомнѣнія, что воскресныя школы въ городахъ, несмотря на неблагопріятныя обстоятельства,—найдя сочувствіе въ народѣ, на что можно рассчитывать, судя по тѣмъ даннымъ, которыя мы видѣли, принесутъ большую пользу и окажутъ ощутительное вліяніе на самый бытъ народа, просвѣтляя его взглядъ на жизнь и отношенія и приготавливая матеріалы для дальнѣйшаго развитія. Но они все-таки

существуютъ для меньшинства; вдали отъ городовъ, въ селахъ и деревняхъ, живетъ огромное большинство народа, называемаго многозначительно—*простыми*,—который не имѣетъ возможности получать образованія въ городахъ, какъ по недостатку средствъ, такъ, наконецъ, по самому характеру и роду своихъ занятій, требующихъ его постоянного присутствія дома. Слѣдовательно школы, въ которыхъ онъ можетъ получать образованіе, должны быть въ средѣ его, въ селахъ и деревняхъ. Для благосостоянія всего народа эти школы имѣютъ громадное значеніе,—понятое наконецъ всѣми образованными народами, у которыхъ на эти школы обращено уже вниманіе. У насъ давно уже были открываемы школы въ селахъ государственныхъ крестьянъ. Но въ помѣщичьихъ имѣніяхъ подобныя школы открывались очень рѣдко; если и открывались, то были назначены для обученія преимущественно церковно-славянскому чтенію, письму, и молитвамъ,—вообще обученіе въ нихъ было скудное, результаты ничтожные и народъ не имѣлъ къ нимъ, сочувствія. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія, съ развитіемъ промышленности и торговли, надо ожидать, что взглядъ народа на школы и образованіе измѣнится и потребность обученія уяснится. Въ послѣдніе два — три года начали открываться сельскія школы во многихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ и, кажется, на нѣсколько иныхъ основаніяхъ, чѣмъ прежнія. Мы представимъ здѣсь краткій очеркъ сельскихъ школъ, открытыхъ въ послѣднее время, начиная съ конца 1859 года.

Въ декабрѣ 1859 года, Кіевской губерніи Радомысльскаго уѣзда въ Каменно-Бродской вотчинѣ, принадлежащей помѣщикамъ Сивичкимъ, была открыта школа для мальчиковъ. По этому поводу, редакція Кіевского Телеграфа получила слѣдующій актъ, за подписью владѣльцевъ и священника Радзівескаго: «Владѣльцы Каменно-Бродской вотчины, коллежскій совѣтникъ Владиміръ Ивановичъ и титулярный совѣтникъ Варфоломей Ивановичъ Сивичкіе, владѣя нѣскольکو лѣтъ этою вотчиною, положительно убѣдились, что главнымъ, между прочимъ, зломъ худой нравственности крестьянъ и ихъ нерадѣнія въ домашнемъ быту служить не только совершенное незнаніе ими грамоты, но даже необходимѣйшихъ всеневныхъ молитвъ и десяти заповѣдей, установленныхъ церковью. Въ видахъ постепеннаго искорененія вѣковыхъ между крестьянами предразсудковъ и направленія ихъ къ честному труду и доброй нравственности, владѣльцы учредили наконецъ первоначальное приходское училище, для обученія въ

немъ крестьянскихъ мальчиковъ, пригласивъ для этого мѣстнаго приходскаго священника. Предназначивъ такимъ образомъ, для открытія училища, 6 Декабря сего года, владѣльцы вотчины распорядились— сперва *избрать изъ среды многосемейныхъ крестьянъ способныхъ мальчиковъ*, а потомъ, по отслуженіи священникомъ въ церкви обѣдни и молебна, призваны были какъ новые ученики, такъ и ихъ родители въ назначенный для училища временной домъ (впредъ до устройства постоянного), гдѣ въ присутствіи владѣльцевъ и при стеченіи крестьянъ, отслужено священникомъ молебствіе о ниспосланіи успѣховъ въ предстоящемъ ученіи для пользы общей; а затѣмъ самими владѣльцами вручены каждому ученику заранѣе приготовленные буквари, или начальное ученіе, по которымъ съ слѣдующаго дня и началось уже преподаваніе имъ уроковъ. *Нельзя при этомъ не сказать, что какъ во время созванія крестьянскихъ мальчиковъ, такъ и при торжественномъ открытіи училища, нѣкоторые ученики и ихъ отцы и матери, по сродной вѣсьмъ имъ простотѣ и боязни (!), первые плакали, а послѣдніе также со слезами упрашивали не отдавать дѣтей ихъ въ училище, пока не была имъ внятно объяснена благая цѣль ученія*». Приведенный актъ довольно краснорѣчиво говоритъ какъ о взглядѣ народа на училища, такъ и взглядѣ на средства привлекать мальчиковъ въ школу. Впрочемъ, школа пошла успѣшно, такъ-что, къ марту слѣдующаго 1860 года, двѣнадцать обучавшихся въ ней мальчиковъ оканчивали ученіе букваря и всенедвѣныхъ молитвъ; послѣ чего предположено было дать имъ гражданскіе учебники и начать учить писать. Лѣтомъ предполагалось обучать воспитанниковъ училища садоводству и огородничеству подъ руководствомъ помѣщичьяго садовника. Не ограничиваясь этимъ училищемъ, владѣльцы предполагали открыть такое же для дѣвочекъ и, кромѣ того, основать въ своей вотчинѣ крестьянскую бібліотеку. Не знаемъ, какъ гг. Сивицкіе привели въ исполненіе свое благородное намѣреніе...

Въ томъ же декабрѣ, 9 числа, была открыта школа въ селѣ Козаровичахъ, Кіевскаго уѣзда, помѣщицы Бобрь-Петровецкой; она была открыта при церкви приходскимъ священникомъ Филимономъ Пасинскимъ вмѣстѣ съ посессоршею Мицкевичевой и крестьянами. Въ школѣ начали учиться 19 крестьянскихъ мальчиковъ, 2 мальчика изъ военнаго званія и 2 духовнаго. — Безъ сомнѣнія въ этомъ

же году было открыто еще нѣсколько школъ, но о нихъ, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ извѣстій.

1 Января 1860 года, была открыта школа въ селѣ Микуличахъ, имѣніи графа Остенъ-Сакена,, (Кіевскаго уѣзда), стараніями управляющаго имѣніемъ г. Карпова и приходскаго священника, о. Захарія Шереметинскаго. Въ этой школѣ начали ученіе 12 крестьянскихъ мальчиковъ и 4 дѣвочки. Преподаваніе, какъ въ Микуличской, такъ и Козаровичской школѣ взяли на себя священники и причетники бесплатно. Обѣ школы, какъ видно, не стѣснены никакими условіями относительно учащихся; кромѣ крестьянъ, ихъ посѣщаютъ дѣти и другихъ сословій, что доказываетъ крайнюю необходимость подобныхъ школъ. Въ Черниговской губерніи была открыта школа въ селѣ Пьяный-Рогъ (Мглинскаго уѣзда), владѣнія графа А. К. Толстого. Нельзя не сочувствовать прекрасному желанію гр. Толстого—доставить возможность первоначальнаго ученія въ этой школѣ не только дѣтямъ крестьянъ, но и всѣхъ сословій.

Къ открытію сельскихъ школъ въ Кіевской губерніи много способствовалъ указъ Митрополита Кіевскаго и Галицкаго (нынѣ С.-Петербургскаго) Исидора, которымъ вмѣнялось въ обязанность всѣмъ сельскимъ священникамъ заводить при церквяхъ школы.

12-го генваря 1860 года, открыта была при церкви бесплатная школа въ м. Бѣлогородкѣ, Кіевской губерніи, тамошнимъ приходскимъ священникомъ; къ маю того же года, ученики уже свободно читали церковно-славянскую грамоту;—такъ какъ, въ этомъ училищѣ былъ всего одинъ учитель священникъ, то болѣе способные и знающіе мальчики въ свою очередь учили вновь поступавшихъ неграмотныхъ.

Въ м. Бѣлой Церкви (Кіевск. губ. Васильковского уѣзда) еще съ конца прошлаго года начали заводиться сельскія школы и въ началѣ 1860-го, въ мѣстечкѣ было уже 4 училища съ 97 учениками. Первая изъ этихъ школъ открыта 23-го ноября 1859 года, въ домѣ священника Преображенской бѣлоцерковской церкви М. С.; на первый разъ явилось только 17-ть мальчиковъ; но въ теченіи пяти дней число желающихъ учиться возрасло до 50. 15-го декабря того же года, въ приходѣ Магдалинской церкви за рѣкою Россью, была открыта вторая школа; въ ней изъявили желаніе учиться 14 мальчиковъ; третья школа открыта 17-го декабря того же 1856 года на

уроцищѣ Ротку, учениковъ въ нее явилось всего 9; и наконецъ четвертая школа открыта уже въ 1860 году 3-го февраля, въ предмѣстіи м. Бѣлой Церкви, Александріи; въ нее пришло 22 мальчика и 7 дѣвочекъ.—Ученіе въ школахъ не бесплатное, потому что и само общество и учредители школъ нашли нужнымъ получать хотя самую небольшую сумму за учение, для поддержанія средствъ существованія школъ; добыть же средства изъ другихъ источниковъ пытались но не могли, благодаря цивилизаторской дѣятельности откупа и сочувствующихъ ему лицъ. Объ этомъ вотъ—что говорится въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей» въ извѣстіи изъ Бѣлой Церкви: Общество прихожанъ, изыскивая способы къ содержанію, постановило—было: при ведерной покупкѣ водки къ праздникамъ, крестинамъ, свадьбамъ и т. п. взымать съ каждаго покупателя по 20-ти копѣекъ съ ведра, сверхъ нормальной цѣны. Этотъ добровольный сборъ, падавшій преимущественно на зажиточнѣйшихъ крестьянъ и касавшійся предмета прихоти, могъ быть весьма значительнымъ, при значительномъ числѣ прихожанъ, простирающемся до 8000 душъ обоюго пола; но въ самомъ началѣ своемъ онъ былъ приостановленъ претензіями мѣстнаго откупа и нѣкоторыхъ соприкосновенныхъ съ нимъ лицъ, непрепятствующихъ однакожъ подобному сбору съ еврейскаго общества на постройку каменной синагоги.» Въ томъ же извѣстіи о бѣлоцерковскихъ школахъ дальше сказано, что «педагогическій совѣтъ бѣлоцерковской гимназіи съ своей стороны изъявилъ желаніе содѣйствовать пробудившемуся въ крестьянахъ м. Бѣлой Церкви стремленію къ образованію и для сего предполагаетъ, въ наступающіе весенніе и лѣтніе мѣсяцы (извѣстіе писано отъ 27 апрѣля 1860 г.) открыть классы гимназіи, гдѣ въ послѣобѣденное время, съ 3-хъ часовъ пополудни, ученики вышнихъ классовъ закрытаго заведенія, подъ руководствомъ г.г. учителей, будутъ обучать чтенію по гражданской печати, арифметикѣ и начальнымъ правиламъ русскаго языка тѣхъ дѣтей, которыя уже выучились славянской грамотѣ и письму въ церковныхъ школахъ; законоучитель гимназіи будетъ преподавать имъ Законъ Божій. Бѣлоцерковское общество чиновниковъ и дворянъ также выразило свое сочувствіе къ образованію низшаго класса здѣшнихъ жителей, пожертвовавъ въ пользу этого дѣла доходъ (въ 150 р. сер.) съ музыкальнаго и танцевальнаго вечера, состоявшагося 17 апрѣля сего года. «По другимъ извѣстіямъ, объ этихъ школахъ, мы узнаемъ, что тамошніе помѣщики не принима-

ютъ никакого участія въ этомъ дѣлѣ (*). — Въ томъ же журналѣ (1860 года), изъ котораго мы привели выписку, есть извѣстіе объ открытіи, въ 1859 году, школы въ деревнѣ Карашинѣ Каневского уѣзда Кіевской губерніи, близъ мѣстечка Корсуня; не помѣщая всего извѣстія, мы сдѣлаемъ изъ него нѣкоторыя выписки указывающія между прочимъ на всегда-присущее нашему народу горячее желаніе помочь общему дѣлу. «Деревня Карашина,» пишетъ священникъ А. Лебединцевъ, — «находится въ Каневскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, верстахъ въ 5-ти отъ мѣстечка Корсуня. Въ этой деревнѣ есть церковь во имя св. Архистратига Михаила, но она приписана съ давняго времени къ приходу Спасской церкви м. Корсуня. Въ самомъ Корсунѣ нѣсколько дѣсятковъ лѣтъ существуетъ школа на иждивеніи мѣстнаго владѣльца, князя Лопухина: но эта школа предназначена *исключительно для обученія поступающихъ въ хоръ пѣвчихъ, въ музыканты и на услуженіе при дворѣ владѣльческому*; поэтому въ ней обучаются далеко не все крестіянскіе мальчики м. Корсуня, дѣти же жителей д. Карашины оставались безъ всякихъ средствъ къ обученію. Годъ отъ году все болѣе и болѣе убѣждался я въ необходимости открыть въ д. Карашинѣ школу. Придумывался источникъ, изыскивались средства, наконецъ средства были найдены: въ Карашинѣ жилъ 80-ти лѣтній старикъ, церковный староста, Несторъ Сунчакъ, крестьянинъ князя Лопухина. Въ теченіе долгой своей жизни, рѣдкою честностью и трудолюбіемъ, онъ нажилъ значительное состояніе. Умнаго и добраго старика безпокоила мысль, что, кромѣ престарѣлой жены, для которой не многое было нужно, не осталось у него другихъ наслѣдниковъ, которымъ онъ пожелалъ бы передать свое достояніе..... Я предложилъ старику, отдѣливъ часть имущества на починку и украшеніе церкви, остальное употребить на основаніе школы. Старикъ не только согласился на мое предложеніе, но видимо обрадовался ему. Спустя немного, старческая немощь его усилилась и онъ скоро отошелъ къ Господу, завѣщавъ мнѣ съ двумя прихожанами, кромѣ приличнаго исправленія церкви, устроить на его счетъ училищный домъ со всемъ обзаведеніемъ, съ окладомъ жалованья, на первый годъ, для учителя и полнымъ содержаніемъ для десяти мальчиковъ—сиротъ, или дѣтей бѣдныхъ родителей. Для поддержанія училища на всегдашнее время назначена часть дохода съ водяной мельницы, принадлежащей старику и состоящей на рѣкѣ Ро-

(*) Кіев. Тел. 1860 г. № 73.

си. «Затѣмъ училище было открыто 8 ноября 1859 года и учение пошло довольно успѣшно; ученики на лѣто были отпускаемы домой съ обязательствомъ собираться по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ для повторенія пройденнаго. Въ это же время о. А. Лебедицевъ предполагилъ открыть въ д. Листвинѣ, находящейся тоже недалеко отъ м. Корсуни, женскую школу.

По официальнымъ извѣстіямъ послѣдняго времени, духовенство Кіевской губ. открыло, при церквяхъ, 1036 школъ, въ которыхъ число учениковъ доходитъ до 19,000. Для надзора за этими школами учреждены, духовнымъ вѣдомствомъ, особые блюстители, которымъ дана въ руководство инструкция. Нельзя не пожелать, чтобы эти школы, вызванные къ жизни извнѣ, а не внутреннею дѣятельностью общества, также скоро не были заброшены, какъ и образовались. Существованіе и развитіе ихъ столько зависитъ отъ личной энергіи духовенства, сколько и отъ матеріальныхъ средствъ. Желательно, чтобы нашлось то и другое, и чтобы методъ обученія дѣтей не былъ схоластическій.

Объ открытіи въ 1860 г. школъ въ Каменецъ-Подольской епархіи, протіерей Евфимій Лозинскій, сообщаетъ редакціи «Кіевского Телеграфа» слѣдующее: «Въ нашей Каменецъ-Подольской епархіи духовенство всѣхъ безъ исключенія приходовъ чрезвычайно торопится заводить, на первый разъ—въ своихъ домахъ, школы для обученія грамотѣ преимущественно крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Къ такому единственному стремленію въ-особенности *поощрило* насъ письменное воззваніе къ духовенству нашего архипастыря и присылка букварей въ даръ отъ начальника края, князя И. И. Васильчикова, въ числѣ 10,000 экземпляровъ. Въ одномъ моемъ благочинницкомъ округѣ, *въ одну недѣлю*, открыто мною 8 школъ и собрано учениковъ, мальчиковъ 86 и ученицъ дѣвочекъ 7 и есть полная надежда, что къ началу будущаго года подобныя школы распространятся во всемъ моемъ округѣ, состоящемъ изъ 29 приходовъ.» О сочувствіи гг. помѣщиковъ къ образованію народа въ этомъ же извѣстіи сказано, : «гг. помѣщики не хотятъ содѣйствовать намъ въ столь насущной потребности, какъ народное образованіе, и *смотрятъ на распространеніе грамотности между крестьянами съ какимъ то предубѣжденіемъ*; тогда—какъ для нихъ ничего не стоило бы поощрить по этому случаю крестьянъ; тогда все пошло бы впередъ легче, а то даже *отопленія жалуютъ для школъ*.» Тотъ же Евфимій Лозинскій, въ генварѣ 1861 года, сообщаетъ въ ту же газету,

что въ остальныхъ 21 приходѣ — къ началу настоящаго года заведены имъ школы при церквахъ, въ которыхъ учатся 491 мальчикъ и 131 дѣвочка;—въ преподаваніи приняли участіе и дамы изъ духовнаго сословія; во вновь открытыхъ школахъ въ настоящее время 4 такихъ наставницы. Къ несчастію, и эти школы, при своемъ открытіи, встрѣтили со стороны нѣкоторыхъ то же упорное предубѣжденіе и антипатію къ образованію, что видно изъ слѣдующаго мѣста въ шсѣмъ г. Лозинскаго: «Судя потому, какъ велико стремленіе въ народѣ къ обученію дѣтей грамотѣ, надо сказать, что далеко выше была бы цифра учениковъ и ученицъ въ этихъ школахъ, еслибы была возможность пріискать помѣщенія особыя, просторныя, свѣтлыя, теплыя и сухія,—а то всѣ онѣ находятся въ домахъ церковныхъ, большею частію такихъ, въ которыхъ самые причты съ семействами едва только помѣщаются, не бывъ поддержаны никакими властями, ни отопливаемы и очищаемы, когда у причтовъ нѣтъ въ достаткѣ ни собственнаго топлива, ни прислуги.»

Трудно существовать школамъ, при такой обстановкѣ,—но теперь, при большей свободѣ, естественнымъ образомъ улучшятся средства крестьянъ и они, надо надѣяться, не будутъ нуждаться въ помощи тѣхъ, которыхъ прямою обязанностью и долгомъ было бы помочь имъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне сами находили возможность изъ своихъ скудныхъ средствъ удѣлить не только на школу, но и на помощь бѣднѣйшимъ своимъ собратьямъ, желавшимъ обучать своихъ дѣтей; такъ «крестьяне Новградволынского уѣзда, села Пищева, помѣщика графа Ал. Потоцкаго, 22 ноября 1860 года, собравшись на мірскую сходку, составили приговоръ, которымъ постановили: жертвовать при каждомъ взносѣ податей въ казну по 5 коп. серебр. съ души на устройство ихней сельской школы, а именно: на покупку учебныхъ пособій, *на содержаніе и обученіе дѣтей бѣдныхъ крестьянъ и сиротъ*, на наемъ учителя въ помощь ихъ приходскому священнику, на наемъ сторожа и т. п... Причемъ они избрали изъ среды себя благонадежнаго крестьянина, которому поручили, по распоряженію ихъ духовнаго отца, производить расходы денегъ на школу и, по-временамъ, отдавать имъ отчетъ въ расходѣ ихъ денегъ.» ⁽¹⁾ Въ открытіи этой школы принималъ самое дѣятельное участіе приходскій священникъ села Пищева, Михаилъ Чечеть.

Въ началѣ настоящаго 1861 года, заведена сельская школа въ селѣ Макіевкѣ, Васильковского уѣзда Кіевск. губерніи, стараніями мѣст-

(1) Кіев. Тел. 1860 г. № 99.

наго приходского священника; школа въ этомъ селѣ существовала уже давно, но въ малыхъ размѣрахъ, — она была заведена священникомъ для обученія собственныхъ дѣтей, и небольшого числа дѣтей прихожанъ, — и помѣщалась въ домѣ священника. Въ концѣ 1860 г. положено было стараться дать школѣ большіе размѣры и выстроить для нея домъ. «Мѣстный владѣлецъ Г. Д., испытывая плоды прежняго обученія его крестьянъ (въ домѣ священника), изъ коихъ двое оказались весьма полезными при управленіи его экономіею и домоу, по предложенію того же священника и прошенію крестьянъ, отпустилъ нужный для постройки дома матеріалъ и обѣщалъ дать хлѣбъ, какой окажется нужнымъ для прокормленія учителя (*).»

Въ раскольниковѣмъ посадѣ Клинцахъ, Черниговской губ., уже довольно давно образовалась сама-собою сельская школа съ вѣдома начальства. Одинъ дворининъ успѣлъ приобрести довѣріе посадскаго населенія, которое начало поручать ему своихъ дѣтей въ науку. Число учениковъ скоро возрасло настолько, что потребовалась постройка особаго дома, которую, съ разрѣшенія начальника губерніи, взяли на себя два посадскіе купца. Училище находится теперь въ вѣдомствѣ Министерства Нар. Пр.; учитель получаетъ 350 р. жалованья; общество имѣетъ объ немъ попечительство чрезъ почетныхъ блюстителей и ратушу. Нѣтъ сомнѣнія, что эта школа можетъ принести большую пользу. До сихъ поръ всѣ усилія правительства вразумить раскольниковъ оставались безуспѣшны; время подумать о другихъ средствахъ для достиженія этой цѣли. Единственный ведущій къ этому путь есть просвѣщеніе, которое одно открываетъ глаза. Но чтобы раскольники охотно посылали своихъ дѣтей въ школы, необходимо допустить ихъ участіе въ учрежденіи и управленіи школъ, въ избраніи учителя, и т. п.

Сельскія школы наши только еще въ зародышѣ. Въ Малороссіи, въ прежнее время, были распространены сельскія школы частныя; онѣ помѣщались большею частію въ церковныхъ домахъ, гдѣ жили причетники, или въ собственныхъ домахъ дячковъ и пономарей — тогдашнихъ сельскихъ учителей. До сихъ поръ еще существуютъ при церквяхъ дома, которые носятъ названіе *школъ*, хотя въ нихъ давно замолкли крики школяровъ. Поселяне посылали своихъ дѣтей въ эти

(*) Кіев. Тел. 1861 г. № 14.

школы, платя дьячку за науку большею—частью сельскими продуктами. Въ одной изъ такихъ—то школъ учился грамотѣ и Шевченко.

Съ 1840 г. заведены сельскія школы вѣдомства государственныхъ имуществъ, которыя, при содѣйствіи полицейскихъ мѣръ, нанесли ударъ прежнимъ школамъ. Курсъ теперешнихъ школъ шире; но методъ преподаванія тотъ же—заучиваніе и вытверживаніе безъ пониманія. Школы эти не пользуются особенною симпатіею поселяннина по многимъ причинамъ. Онѣ учреждены только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и большихъ селахъ; поселянинъ, для того, чтобы научить своего сына грамотѣ, долженъ везть его за 8—10 и болѣе верстъ, отыскать для него квартиру, доставлять на него провизію и наконецъ лишиться, съ его отсутствіемъ, члена семейства, который могъ бы быть, въ свободное отъ школы время, въ помощь отцу и матери. Кроме того, ученіе въ этихъ школахъ не можетъ идти успѣшно, такъ какъ оно поручается большею частью священнику, который и безъ того имѣетъ много занятій. Оттого мы видимъ, что учитель—священникъ не рѣдко нанимаетъ за себя дьячка, который иногда можетъ съ успѣхомъ учить чтенію псалтыря и часослова, но рѣдко въ состояніи научить арифметикѣ и наставить въ христіанской нравственности; случается и то, что священникъ, оторванный отъ школы другими занятіями, поручаетъ школу одному изъ своихъ учениковъ.

Для того, чтобы образованіе народа пошло успѣшно, необходимо учрежденіе училищъ въ каждомъ селѣ; учителемъ должно быть лицо, исключительно посвящающее себя этому званію. Скажутъ, что на заведеніе такого числа училищъ нужны правительству громадныя суммы. Справедливо, если правительство захочетъ держать въ своихъ рукахъ не одно общее управленіе народнымъ образованіемъ, а и заведываніе каждою школою. Но если правительство пожелаетъ только способствовать народному образованію, оно въ самомъ народѣ найдетъ великія средства. Пусть учредятся особенныя семинаріи для приготовления сельскихъ учителей, заведеніе же и содержаніе сельскихъ школъ пускай останется на обязанности каждаго общества.